

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО:
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'37

**Языковая неоднозначность и неопределенность
в русских правовых текстах***О. В. Блинова^{1,2}, С. А. Белов¹¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9² Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Для цитирования: Блинова, Ольга В., Сергей А. Белов. 2020. «Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 774–812. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401>

В русских правовых текстах наблюдается целый ряд имеющих языковую природу явлений, обозначаемых юристами общим понятием «неопределенность». Класс таких выражений неоднороден: они имеют различные источники неопределенности и разные алгоритмы интерпретации. В настоящей статье предлагается классификация данных выражений с лингвистической точки зрения, что позволит юристам получить инструмент для систематического поиска и анализа случаев неопределенности. В основе представленной классификации лежит традиционное различие языковой неоднозначности (ambiguity) — в статье говорится только о лексической, синтаксической и референциальной неоднозначности — и языковой неопределенности (vagueness). Среди случаев неопределенности (vagueness) выделяется, во-первых, неопределенность в узком смысле, наблюдаемая прежде всего в контекстах с градуальными прилагательными ('высокий', 'большой'), в том числе описывающими интерпретационно-оценочные характеристики ('важный', 'разумный'). Во-вторых, обсуждается нечеткость, проявляющаяся при употреблении целого ряда выражений, среди которых: хеджи типа 'явно', модификаторы степени проявления признака типа 'крайне', нечеткие кванторы типа 'незначительное количество', нечеткие выражения со значением времени типа 'неза-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Авторы благодарят Е. Л. Вилинбахову за внимательное прочтение финального варианта настоящей статьи и за высказанные ценные замечания и комментарии.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

медлительно' и др.; референциально нечеткие нарицательные существительные и описательные выражения, в частности, обозначающие временные интервалы ('дневное время'), части тела ('область головы и шеи'), географические объекты и территории ('зона расположения объекта'); названия классов объектов или явлений ('транспортные средства'), нарицательные существительные, обозначающие неопределенно большое (или, существенно реже, малое) количество объектов ('толпа', 'группа'), а также прилагательные типа 'многолетний'. В-третьих, говорится про недостаточность конкретизации, наблюдаемую у слов, не передающих какой-то конкретной семантической информации (ср. существительные 'заявитель', 'опекун', не уточняющие пол), и в недостаточно конкретизированных контекстах типа 'после 16 часов', 'до 18 лет'. Кроме собственно классификации случаев неоднозначности и неопределенности, приводятся примеры семантических тестов и языковые иллюстрации выделенных типов неоднозначности и неопределенности, в том числе из правовых текстов.

Ключевые слова: язык права, русский язык, семантика, языковая неоднозначность, лексическая неоднозначность, структурная неоднозначность, языковая неопределенность, языковая нечеткость, недостаточность конкретизации.

Юриспруденция — это профессия слов.
(*Mellinkoff 1963, VII*)

1. Введение

Стремление к ясности и определенности — характерная черта права. Это стремление влечет за собой обязательное закрепление правовых норм и конкретных фактических обстоятельств в текстах письменных юридических документов. Правоведы полагаются на текст как на инструмент объективного закрепления правового содержания, ожидая, что, если нормы или решения по конкретным ситуациям будут записаны, это исключит их произвольное толкование и применение. При любом споре достаточно будет обратиться к тексту, прочтение которого снимет любую двусмысленность.

Тем не менее само по себе письменное закрепление правовых норм и решений не всегда гарантирует нужный результат. Правовые тексты становятся предметом интерпретации, для чего правовая теория уже давно выработала целый набор принципов и правил толкования. Эти принципы и правила составляют часть юридической догматики, что позволяет получать относительно предсказуемый и определенный результат. Однако и с помощью догматических правил толкования не всегда получается снять неопределенность.

На вероятность отмены актов, которые не могут быть однозначно истолкованы, указывает разнообразная судебная практика. Требование определенности содержания правового акта было не раз сформулировано разными судами и в Российской Федерации, и за рубежом как вытекающее из ряда основных конституционных принципов — правового государства, равенства перед законом и судом, запрета привлечения к ответственности иначе как в случаях, предусмотренных законом. Как указывал Конституционный суд РФ, неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе

правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению конституционного принципа равенства, реализация которого не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями¹. На неопределенность как основание для признания нормативных актов недействующими указывается и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ².

В то же время, как показывает анализ научной литературы³ и судебной практики, сегодня не выработано четких критериев выявления неопределенности в текстах правовых актов на русском языке, ситуации неопределенности не систематизированы.

Существует целый ряд явлений, имеющих языковую природу и обозначаемых юристами общим понятием «неопределенность». Взгляд на эти явления с точки зрения лингвистики позволяет предложить их осмысленную классификацию. В настоящей статье представлена такая классификация, в ее основе лежит различие языковой неоднозначности (*ambiguity*) и языковой неопределенности (*vagueness*)⁴. Кроме собственно классификации, статья дает иллюстрации случаев неоднозначности и неопределенности, в том числе из русских правовых текстов. Таким образом, цель статьи — предложить юристам инструмент для систематического поиска и анализа случаев языковой неоднозначности и неопределенности.

2. Основное исследование

2.1. Основные понятия и термины (неоднозначность, омонимия, неопределенность)

Языковая единица, высказывание или речевое произведение считается **неоднозначным** (*ambiguous*), если обладает более чем одним значением (см. об этом: Tanenhaus, Sedivy 1999; Wasow et al. 2005 и мн. др.). Известный пример лексической неоднозначности в русском — *проехать остановку* ‘покрыть расстояние’ и ‘миновать точку’ (Апресян 1971, 509) или *прослушать сообщение* ‘воспринять слухом’ и ‘не услышать, пропустить’ (Евгеньева, 1981–1984, III, 523); ср. пример (1).

¹ Постановления Конституционного суда РФ от 21.01.2010 № 1-П, от 11.11.2003 № 16-П и др. (здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15 августа, 2020. <http://www.consultant.ru>).

² Пункт 25 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2007 № 48.

³ В рамках общих (не узкоотраслевых исследований) вопросы неопределенности затрагиваются редко (Назаренко 2006; Власенко 2013). Одно из немногих исследований, в котором сделана попытка сформулировать общую характеристику неопределенности в праве, — статья Е. В. Третьякович (Третьякович 2018). Однако и в этой работе необходимые общие подходы не сформулированы. Неопределенность сведена главным образом к проблемам юридической терминологии. Языковая неопределенность формулируется как «отступление от стандартов в употреблении нормативных предложений, фразеологических оборотов, словосочетаний, слов и др.» (Третьякович 2018, 285), что мало помогает в практическом отношении.

⁴ Здесь и далее при терминах мы будем приводить их англоязычные соответствия. Это связано с тем, что русская собственно лингвистическая терминологическая традиция (не относящаяся напрямую к области нечеткой логики и теории нечетких множеств), касающаяся описания лингвистической неопределенности (*vagueness*), находится в стадии формирования. При наличии англоязычных соответствий приводимые нами переводные русские обозначения могут быть соотнесены с их источниками в литературе вопроса.

(1) *Вася прослушал сообщение.*

В русской терминологической традиции принято пользоваться понятиями «полисемия», «многозначность», «неоднозначность» (Зализняк 2013, 18). При этом полисемия понимается обычно как лексическая многозначность (наличие нескольких значений у слова); кроме того, термин «полисемия» описывает наличие разных значений, например, в словаре (парадигматическое отношение), а «многозначность» может описывать и синтагматические отношения (одновременную реализацию двух или более значений у языковых единиц, относящихся к различным языковым уровням) (Зализняк 2013, 19).

Об **омонимии** принято говорить тогда, когда наблюдается сугубо внешнее совпадение двух или более единиц, «в значениях которых нет ничего общего» (Апресян 1971, 509), как в случае с *лук* — ‘оружие’ и *лук* — ‘растение’ или в случае с *гриф* — ‘длинная узкая пластинка у струнных и щипковых музыкальных инструментов, вдоль которой натянуты струны’, ‘печать, штампель с образцом подписи или каким-либо другим рукописным текстом, а также оттиск такой печати или штампеля на документе; надпись на документе или издании, определяющая особый порядок пользования им’, ‘крупная хищная птица, питающаяся падалью и отбросами’ (Захаренко и др. 2003); ср. пример (2).

(2) *Вася увидел гриф.*

Если бы в примере (2) присутствовала спецификация типа *гриф гитары*, *гриф министерства* и/или указание на действие с грифом (*обхватить гриф*, *присвоить гриф секретности*), омонимия была бы снята с применением лингвистического контекста.

Наконец, важно различать **неоднозначность** и **неопределенность** (*vagueness*) (см. об этом: Lakoff 1970; Zwicky, Sadock 1975; Bromberger 2012 и мн. др.). Если пытаться оперировать понятием расстояния между значениями языковой единицы, то при неопределенности (*vagueness*) это расстояние минимально, при неоднозначности (*ambiguity*) — заметно, а при омонимии — настолько велико, что стоит говорить не об одной единице со связанными значениями, а о нескольких единицах с разными значениями (например, о *грифе-1*, *грифе-2* и *грифе-3*); см. подробнее: (Winter-Froemel, Zirker 2015 и др.).

Таким образом, в случае с неопределенностью альтернативные значения трудно рассматривать как четко разделенные; интерпретация высказывания в таком случае зависит от различных *контекстуальных факторов*, т.е. знания ситуации, описываемой в тексте; ср. пример (3).

(3) *Вася высокий.*

Интерпретация примера (3) зависит от предмета обсуждения, возраста Васи (он может быть ребенком или взрослым), профессии Васи, который может быть жокеем или баскетболистом, и др. (Winter-Froemel, Zirker 2015, 294).

2.2. Краткая история вопроса

Неоднозначность — неотъемлемое свойство естественного языка, наблюдаемое на всех его уровнях.

Работы, посвященные неоднозначности в языке и речи, можно условно разделить на теоретические (прежде всего исследования в области лингвистической семантики⁵), специализированные (о неоднозначности в конкретных типах текстов), прикладные (о машинном анализе естественного языка), учебные (содержащие рекомендации по избеганию неоднозначности в текстах определенных стилей и жанров).

Неоднозначность принято рассматривать как коммуникативную помеху. Так, одна из максим дискурса Г. П. Грайса (максима способа *be perspicuous*, 'выражай свои мысли ясно') содержит субмаксиму 'избегай неоднозначности' (Korta, Perry 2020). Выбор слушающим или читающим смысла неоднозначного выражения, не соответствующего интенции говорящего, иногда становится причиной коммуникативной неудачи (Winter-Froemel, Zirker 2015, 294). Неоднозначность элементов естественного языка как семиотической системы может казаться недостатком для процесса коммуникации (Wasow et al. 2005 и мн. др.). Тем не менее в последнее время распространяется принципиально иной взгляд на неоднозначность как на свойство, необходимое и даже желательное для любой естественной системы коммуникации. В частности, именно неоднозначность позволяет оперировать короткими и простыми единицами (в частности, словами) (Piantadosi et al. 2012; Федорова 2014, 305).

Для разработчиков и пользователей систем анализа текста борьба с неоднозначностью, выбор между множественными альтернативными разборами языковых единиц разных уровней (наряду с изменчивостью языков) представляют сложную проблему⁶.

Неоднозначность в текстах различных языковых регистров допустима в разной степени. Так, использовать неоднозначные выражения в деловой прозе строго не рекомендуется, авторы академических текстов стремятся избегать неоднозначности (Wasow et al. 2005, 71). Художественные тексты принципиально открыты для множественных интерпретаций (Empson 1965; Перцов 2000 и др.); существуют литературные жанры, построенные на нарушении грайсовского постулата ясности (Санников 2002, 402), ср. также различие бытовой и поэтической неоднозначности (Зализняк 2013, 20–22).

Считается, что «в живом общении люди редко замечают языковую неоднозначность» (Бочаров, Митренина 2017, 19; см. также: Altmann 1998, 146; Ahrens 1998, 12). Для разрешения неоднозначности, снижения ее уровня слушающие или читающие используют различные знания и механизмы (знания о мире, собственно лингвистический контекст, информацию о частотности языковых единиц, интонационное или пунктуационное оформление высказываний) (Бочаров, Митренина 2017). При этом в разрешении лексической и структурной (синтаксической) неоднозначности задействованы разные лингвистические механизмы (MacDonald et al. 1994).

⁵ Семантика — «наука о значениях единиц языка (слов, морфем, синтаксических конструкций, интонаций) и о законах, по которым из значений этих относительно простых единиц складывается смысл предложений и целых связанных текстов» (Апресян 1984, 259).

⁶ Ср. красноречивое название раздела «Языковая неоднозначность: почему обработка естественного языка так сложна» (The Ambiguity of Language: Why NLP is Difficult) в (Manning, Schütze 1999, 17) и одну из многочисленных цитат по этому поводу: «Компьютерные лингвисты иногда в шутку признают, что им нужно справиться только с тремя проблемами: неоднозначностью, неоднозначностью и неоднозначностью» (Van Trijp 2017, 289).

В устной коммуникации лицом к лицу работает обратная связь, помогающая снимать неоднозначность. При функционировании письменных текстов (за исключением отдельных жанров компьютерно-опосредованной коммуникации) немедленный или отложенный учет реакции адресата на высказывание или речевое произведение затруднен или невозможен. В то же время устная коммуникация осуществляется в жестких временных рамках, а на понимание письменного текста у читающего обычно есть время (Biber 1988; Clark 1996 и мн. др.).

Кроме того, считается, что говорящие (и пишущие) при продуцировании высказываний предпочитают однозначные языковые выражения (Ferreira et al. 2005); целый ряд грамматических фактов может быть объяснен стремлением избегать неоднозначности (Hankamer 1973; см., однако: Wasow 2015).

Неопределенность (vagueness) — феномен, гораздо более распространенный и куда менее описанный, чем неоднозначность⁷.

Общее утверждение, содержащееся в литературе вопроса, состоит в том, что неопределенность следует обязательно отличать от неоднозначности.

2.3. Неоднозначность, неопределенность и язык права

Многочисленные учебники делового письма призывают авторов деловой документации к точности и понятности (ясности): «Основным требованием к содержанию любого документа <...> являются его максимальная точность и понятность. Текстовая точность документа — фактическая и смысловая точность документа, *исключающая возможность интолкований и неясностей*. <...> Автор документа должен продумывать каждое слово, *не допуская возможности истолковать написанное иначе, чем задумано* (курсив наш. — О. Б., С. Б.)» (Иванова 2018, 25–26).

Однако полностью следовать этой рекомендации не всегда удастся, поэтому работы о неопределенности и неоднозначности в языке права показательно многочисленны (Endicott 1997; Greenawalt 2001; Sorensen 2001; Schane 2002; Solan 2005; Engberg, Heller 2007; Poscher 2012; Jónsson 2009 и мн. др.).

Вопрос о том, в какой степени неоднозначность и неопределенность являются помехами для правового документа, активно обсуждается. Впрочем, исследователи согласны в том, что корень проблемы (вне зависимости от ее масштаба) — в том, что юристы используют естественный язык, «который естественным образом вводит неопределенность» (Larenz, Canaris 1995, 312; см. также: Zeller 2018, 13).

2.4. Различение омонимии, неоднозначности и неопределенности

Лингвисты, логики и философы языка разработали тесты, позволяющие различать простые случаи омонимии, неоднозначности и случаи неопределенности. Представляется, что они будут полезны если не для прямого практического применения, то по крайней мере для лучшего понимания сущности обсуждаемых в настоящей статье явлений⁸.

⁷ «Большинство выражений естественного языка являются неопределенными» (Wasow et al. 2005, 266). См. также: (Pinkal 1985; Barker 2006).

⁸ Вместе с тем результаты разных семантических тестов не всегда согласуются между собой (Geeraerts 1993).

2.4.1. Тест на редукцию союзов (*Conjunction Reduction Test*)

Во-первых, для наших целей может быть полезен Conjunction Reduction Test (Sennet 2016). Для его проведения берутся два предложения, содержащие неоднозначную языковую единицу или омонимы, например (4), (5) и (6), (7), затем предложения «соединяются», причем проверяемая единица в получившихся фразах (8), (9) встречается только один раз.

Если перед нами **омонимия**, при соединении фраз получается каламбур, ср. (8) и (9).

- (4) Лук невкусный. (5) Вася прожевал лук.
(6) Лук тугой. (7) Вася натянул лук.
(8) ?Лук невкусный и тугой. (9) ?Вася прожевал и натянул лук⁹.

В случае с полисемией (**лексической неоднозначностью**) картина несколько более сложна (Moldovan 2019), но если перед нами **неопределенность**, ср. (3), (10), то предложение (11) осмысленно, хотя стандарты роста взрослого мужчины и шестилетнего ребенка существенно отличны (Barker 2006, 296).

- (3) Вася высокий. (10) Шестилетняя дочь Васи высокая.
(11) Вася и его шестилетняя дочь высокие.

2.4.2. Тест на эллипсис (*Verb Phrase Pro-form Test*)

Исследователями предложен синтаксический тест, получивший название Verb Phrase Pro-form Test (Lakoff 1970). Для фраз (1), (2), (3) могут быть предложены соответствия (1'), (2'), (3').

- (1') Вася прослушал сообщение, и Петя тоже.
(2') Вася увидел гриф, и Петя тоже.
(3') Вася высокий, и Петя тоже.

Речь идет о преобразовании фраз типа *Вася увидел гриф, и Петя тоже увидел гриф*. Преобразование такого типа называется VP-Deletion, так как «стиранию» подвергается VP — Verb Phrase, группа глагола. В результате образуется эллиптическая конструкция. Считается, что стирание предполагает идентичность или тесную близость значений в предложениях, ср.: *Вася прослушал сообщение, и Петя тоже прослушал сообщение*.

В случае с **омонимией** (2') или **неоднозначностью** (1') мы интерпретируем значения сочиненных предложений **согласованным образом** (если Вася увидел часть музыкального инструмента, то и Петя тоже; если Вася не услышал сообщения, то и Петя тоже пропустил его мимо ушей, а не прослушал полностью).

Интерпретируя же пример (3'), мы понимаем, что Вася совершенно не обязательно того же роста, что и Петя. Когда возможна такая несогласованная интерпретация, можно говорить о наличии **неопределенности**.

⁹ В лингвистике принято ранжировать языковые примеры по степени приемлемости. Если мы сомневаемся в приемлемости, можем снабдить пример одним или несколькими знаками вопроса, если считаем пример неприемлемым — звездочкой, как в случае с **Вася высокий, но не высокий*.

2.4.3. Тест на противоречие (*Test by Contradiction*)

Следующий тест получил название *Test by Contradiction* (Zwicky, Sadock 1975). В нем проверяется, может ли определенная языковая единица (например, слово) быть использована при констатации или отрицании данного положения дел. Рассмотрим пример (12):

(12) *Это гриф, а не гриф.*

Несмотря на некоторую странность и неестественность фразы (12) (ср., однако, *Это гриф, но не тот гриф*), мы понимаем, что фраза имеет смысл и может быть прочитана как непротиворечивая, если речь идет о *грифе-1* (части музыкального инструмента) и *грифе-2* (печати или надписи на документе) или *грифе-3* (птице). Таким образом можно выявить **омонимы**.

При употреблении в тестовых фразах **неоднозначных** выражений также можно получить их осмысленную непротиворечивую интерпретацию, ср. (13), где, например, *поле-1* — футбольное поле, а *поле-2* — ржаное поле.

(13) *Это поле, а не поле.*

Подобного рода фразы, включающие **неопределенные** выражения, в письменной форме не имеют осмысленной интерпретации, ср. (14).

(14) **Вася высокий, но не высокий*¹⁰.

2.5. Типы неоднозначности

В контексте настоящей статьи важно провести различие между **языковой** и **речевой** неоднозначностью. Языковая неоднозначность — способность иметь разные смыслы (свойство языковых единиц); речевая неоднозначность — реализация этой потенциальной способности в конкретном высказывании (Зализняк 2003; Winter-Froemel, Zirker 2015, 290).

Например, изолированная языковая единица — слово «поле» — обладает несколькими связанными значениями, которые мы можем увидеть в словаре; во фразе (15) неоднозначность реализована, констатируем речевую неоднозначность, а во фразе (16) неоднозначность снимается контекстом и знаниями о мире (т. е. во фразе (16) неоднозначность снята, так как, в частности, мы понимаем, что вспахивают обычно ржаное или пшеничное поле, но не футбольное). Как было сказано выше, неоднозначность разрешается прежде всего через обращение к лингвистическому контексту, к знаниям об описываемой в речевом произведении ситуации, или к знаниям о мире.

(15) *Вася пришел на поле.*

(16) *Вася вспахал поле.*

Считается, что речевая неоднозначность (т. е. реализация языковой неоднозначности) в реальной коммуникации встречается достаточно редко (Федорова 2014, 306–307).

¹⁰ Ср., однако, письменные контексты с капитализацией типа *Вася не высокий, а ВЫСОКИЙ* (возможное прочтение: 'не высокий, а очень высокий').

Кроме того, будем различать *временную* (temporary), или локальную, и *постоянную* (permanent), или глобальную, речевую неоднозначность. Первая имеет место, когда правый контекст¹¹ обеспечивает снятие неоднозначности, встретившейся в тексте ранее (ср. русифицированные примеры из: Fedorova 2014, 9):

- (17) *Учительница* сказала моей *сестре*, что *она* безусловно могла бы провести экзамен в следующий четверг.
- (18) *Учительница* сказала моей *сестре*, что *она* безусловно могла бы сдать экзамен в следующий четверг.

В примерах (17) и (18) местоимение *она* может относиться или к *учительнице*, или к *сестре* (такая неоднозначность называется референциальной, мы немного подробнее расскажем о ней ниже, в разд. 2.6.3). Неоднозначность снимается тогда, когда мы видим глаголы *провести* и *сдать* и понимаем, что проводят экзамены обычно учителя, а сдают, напротив, не учителя. Следовательно, в (17) местоимение *она* относится к *учительнице*, а в (18) — к *сестре*.

Постоянная неоднозначность — это речевая неоднозначность, не снятая контекстом. Так, в примере (2) выше лексическая неоднозначность не снята, это пример постоянной неоднозначности, а в (19) (пример из: Fedorova 2014, 9) не снята референциальная неоднозначность (мы не знаем, относится ли местоимение *она* к кошке или собаке и кто из них перебежал дорогу).

- (19) *Кошка* учуяла *собаку*, только когда *она* перебежала дорогу.

Если мы добавим правый контекст типа (20), то поспособствуем снятию омонимии, станет понятно, какой именно лук увидел Вася. В то же время дополнительный правый контекст в (21) не позволяет сразу понять, увидел Вася оружие или растение. В таком случае мы можем попытаться опираться на частотность и сочетаемость языковых единиц, думая, что словосочетание *зеленый лук* — это что-то вроде термина для называния некоторых видов лука, у которых едят не луковицы, а надземную часть. Размышляя так и изучив вопрос, насколько часто встречается сочетание *зеленый лук* в языке в отличие от других сочетаний со словом *лук* (ср. также *белый лук* и *красный лук*), мы можем решить, что Вася все же увидел съедобное растение, а не оружие зеленого цвета.

- (20) *Вася* увидел *лук*, в смысле: увидел *репчатый лук*.

- (21) *Вася* увидел *лук*, в смысле: увидел *зеленый лук*.

В литературе принято говорить также о метонимически и метафорически мотивированной неоднозначности, о регулярной и нерегулярной неоднозначности и др. (Апресян 1971, 513), однако для анализа юридических текстов обсуждение этих типов неоднозначности не столь актуально, как различение типов, описанных выше.

¹¹ Правый контекст — часть текста, которая при письме и чтении слева направо находится справа от анализируемого слова или выражения (т. е. это последующий контекст, в отличие от левого, предшествующего, контекста).

2.6. Неоднозначность на разных языковых уровнях (на материале юридических текстов)

Неоднозначность наблюдается на разных языковых уровнях. Вслед за литературой вопроса будем различать прежде всего *лексическую* и *структурную* (или синтаксическую) неоднозначность.

2.6.1. Лексическая (лексико-семантическая) неоднозначность

Лексическая неоднозначность — это наличие у слова или словосочетания нескольких связанных значений. Именно о лексической неоднозначности в русских юридических текстах относительно часто пишут (Соболева 2007; Хазова 2016). Обсудим основные возможности проявления лексической неоднозначности, которые можно наблюдать.

Вслед за А. Н. Барановым (Баранов 2012) будем различать *юридически определяемые термины* и *лингвистически определяемые термины*; первые — это слова или словосочетания, получившие определения в текстах нормативных актов, вторые — это слова и словосочетания, определения которых в законодательных и нормативных документах отсутствуют (Баранов 2012, 20).

Учитывая указанное различие слов, получивших и не получивших юридических дефиниций, и принимая во внимание, что в разных отраслях права термины могут иметь разные значения (см. подробнее: Соболева 2007), получим следующие основные варианты потенциальных ситуаций неоднозначности, помня, что мы говорим о словах и выражениях естественного языка, являющихся прежде всего лингвистически определяемыми:

- 1) языковая единица может быть неоднозначной в обыденном языке;
- 2) языковая единица (в обыденном языке однозначная или неоднозначная) может иметь также юридическую дефиницию, вводящую существенное различие между специальным (юридическим) пониманием термина и его значением в обыденном языке;
- 3) языковая единица (в обыденном языке однозначная или неоднозначная) может иметь несколько существенно различных юридических дефиниций.

Пример первой ситуации — употребление слова *нож*. В словаре *нож* имеет по меньшей мере два связанных значения: ‘инструмент для резания’ и ‘режущая часть орудия’ (Евгеньева 1981–1984, II, 506–507). Пример (22) ниже содержит слово *нож*, здесь можно усмотреть речевую неоднозначность (однако если опираться на наши знания о мире, то следует признать, что едва ли речь здесь идет о части какого-то инструмента).

- (22) <...> следы оставлены из-за пореза им руки после того, как он забрал **нож** у ФИОб, исключив тем самым оказание последним сопротивления <...> (Апелляционное определение Приморского краевого суда от 25.02.2020 по делу № 22-632/2020)¹².

¹² Для поиска языковых примеров мы использовали Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ) (дата обращения 15 августа, 2020. <https://ruscorpora.ru/new>), а также СПС «КонсультантПлюс».

Пример второй ситуации — термин *гражданский брак*, который в Семейном кодексе РФ описывается как брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния, а в рамках обыденного языка понимается как незарегистрированный брак (см. об этом: Мистюк 2017). Гражданский брак в обыденном понимании в праве может быть обозначен как *фактические брачные отношения*, или *сожительство*.

Пример третьей ситуации — термин *близкие родственники*, который в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Семейном кодексе РФ определяется по-разному¹³.

2.6.2. Структурная (синтаксическая) неоднозначность

Структурная (синтаксическая) неоднозначность реализуется на уровне предложения и наблюдается, когда есть возможность «приписать фразе более чем одну правильную синтаксическую структуру» (Иорданская 1967, 9). Мы кратко обсудим основные виды синтаксической неоднозначности¹⁴.

Во-первых, упомянем так называемую **конституентную** неоднозначность (coordination ambiguity), когда имеется сочиненная группа типа *женщины и мужчины* или *прочитал и написал* и некий модификатор (*умные* или *быстро*), который может относиться либо ко всей группе, либо только к слову, стоящему ближе к модификатору. Так, в примере (23) (русифицированный пример из: Tanenhaus, Sedivy 1999, 14) определение *умные* может относиться только к женщинам или к женщинам и мужчинам разом. В примере (21) обстоятельство *быстро* может относиться только к *прочитал* или к *прочитал и написал*.

(23) Компания нанимает умных женщин и мужчин.

(24) Вася быстро прочитал и написал несколько писем.

В предложении (25) также наблюдается синтаксическая неоднозначность, так как определение *подлежащие государственной регистрации* может относиться ко всей группе *воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты* или только к *космическим объектам*. В примере (26) (взяты из: Зуга 2019) относительное предложение *которые могут привести к искажению смысла информации* относится либо ко всей сочиненной группе *иностранных слов и выражений*, либо только к *выражениям*, что предполагает два разных прочтения.

(25) Право собственности и иные вещные права на воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, подлежащие государственной регистрации, определяются по праву страны, где эти суда и объекты зарегистрированы (Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019), ст. 1207).

¹³ Согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «близкие родственники — супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки»; согласно ст. 14 Семейного кодекса РФ, близкие родственники — это родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры.

¹⁴ Подробнее см., напр.: (Гладкий 1985; Чернова 2016; Добров 2017).

- (26) В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации; <...> (Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 02.08.2019), п. 5 ст. 5).

Структуры с конституентной неоднозначностью встречаются в деловых текстах, в частности, подобные примеры процитированы в работе Е. Н. Геккиной (Геккина 2019).

Во-вторых, существует так называемая **стрелочная** неоднозначность (*attachment ambiguity*). После выделения в предложении главных и зависимых компонентов следует графически показать направление синтаксической зависимости с помощью стрелок, направленных от главных компонентов («хозяев») к зависимым (например, *вижу* → *дом* → *большой* → *очень*). В случае со стрелочной неоднозначностью мы можем провести такие стрелки по-разному, т. е. одно зависимое потенциально относимо к разным «хозяевам». В качестве зависимых способны выступать различные синтаксические группы (см. об этом: Гладкий 1985, 113–115).

Так, в примере (27) в качестве зависимого, которое можно отнести к разным хозяевам, выступает предложная группа (*Prepositional Phrase, PP*) в *Москву*, соответственно, такая неоднозначность называется **PP Attachment ambiguity**. Для (27) допустимы два прочтения; согласно первому, *Вася вернулся в Москву*, согласно второму, его командировка была в *Москву* (пример из: Муравенко 2008, 154). В (28) предложная группа из *трех пластов* может зависеть от существительных *глубина*, *разработка* или *свита*.

- (27) *Вася вернулся из командировки в Москву.*

- (28) *глубина разработки свиты из трех пластов* (Постановление Госгортехнадзора России от 16.03.1998 № 13 «Об утверждении Правил охраны сооружений и природных объектов от вредного влияния подземных горных разработок на угольных месторождениях», п. 9, пример 8).

В примерах (29) и (30) в качестве зависимого, которое можно отнести к разным «хозяевам», выступает относительное предложение; такой вид стрелочной неоднозначности называется **Relative Clause Attachment ambiguity**. В (29) относительное предложение можно привязать к *дочери*, *сестре*, *служанке* или к *художнице*, *студентке*, *графине* соответственно. В (30) содержится аналогичная синтаксическая неоднозначность, не позволяющая сразу понять, кто был застрахован (наследники или работники).

- (29) *Мы встретили дочь художницы / сестру студентки / служанку графини, которая приехала из Берлина.*

- (30) <...> **наследники работников, которые были застрахованы** за счет предприятий и организаций на случай смерти и погибли в результате несчастного случая <...> (Федеральный закон от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О государственной пошлине”» (с изменениями и дополнениями, п. 5 ст. 5).

В литературе вопроса выделяют больше видов стрелочной неоднозначности, но мы ограничимся кратким перечислением. В роли зависимых с потенциально разными «хозяевами» могут выступать также наречие (*детали, показанные на ри-*

сунке справа), деепричастие или деепричастный оборот (*директор распорядился продолжать работу, не обращая внимания на протесты*), прилагательное, причастие или причастный оборот (*Требовали заместителя директора, уехавшего в командировку; Я не вижу описаний таблиц, составленных Сидоровым*), существительное в родительном падеже (*исследования по истории Института общих проблем*) (Гладкий 1985, 114).

Наконец, существует так называемая **разметочная неоднозначность**, когда возможны разные варианты разметки синтаксических связей, ср., напр., *преследование тигра, посещение родственников, приглашение композитора, переселение корейцев* (примеры из: Муравенко 2008, 155; Князев 2007, 268). Во всех приведенных выражениях линейно первое существительное происходит от глагола и относится к некоторому действию, а второе существительное может обозначать как исполнителя, или **субъекта**, этого действия (*тигр преследует, родственники посещают, композитор приглашает, корейцы переселяются*), так и **объект**, на который направлено действие (*тигра преследуют, родственников посещают, композитора приглашают, корейцев переселяют*); ср также примеры *критика ученого, перевод Пушкина* (Гладкий 1985, 112).

Если мы рассмотрим выражения типа *представление прокурора*, то увидим, что они также содержат разметочную неоднозначность (ср.: (31), (32)). Однако это не создает существенной сложности для интерпретации, потому что мы знаем, что такое *представление* как юридический термин¹⁵. Кроме того, у этого отглагольного существительного в юридических текстах иногда наблюдается специальное управление типа *представление на что-то*. Заметим, что термин *представление* — это также и пример лексической неоднозначности, поскольку его юридическое понимание отлично от общеязыкового.

(31) *Заслушав и обсудив представление Председателя Высшего арбитражного суда Российской Федерации <...>* (НКРЯ, Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 17 «Об определении места постоянного пребывания Суда по интеллектуальным правам»).

(32) *С учетом изложенного срок подачи надзорной жалобы или представления прокурора на судебные постановления, вступившие в законную силу до 1 февраля 2003 г., необходимо исчислять с 1 февраля 2003 г.* (НКРЯ, Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.01.2003 № 2 (ред. от 10.02.2009) «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса РФ», п. 22).

Несколько более сложный случай неоднозначности представляют примеры типа *выступление адвоката Иванова* (Рубашкин 2010), *жалоба представителя*

¹⁵ «Представление органа дознания, следователя, прокурора — в уголовном процессе РФ документ, который орган дознания, следователь, прокурор, установив причины и условия, способствовавшие совершению преступления, составляют и вносят в соответствующий государственный орган, общественную организацию или должностному лицу для принятия мер по устранению этих причин и условий; представление прокурора — акт прокурорского надзора, призванный устранить нарушения закона; вносится прокурором (его заместителем) в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения. В месячный срок должны быть приняты конкретные меры, выявлены причины и условия, способствующие нарушениям закона; о результатах прокурор извещается в письменной форме» (Додонов и др. 2001, 425).

правообладателя Петрова, которые можно интерпретировать двояко: выступает адвокат по фамилии Иванов либо адвокат человека с фамилией Иванов.

2.6.3. Референциальная неоднозначность

Под референцией вслед за О.В. Федоровой (Федорова 2015) будем понимать упоминание в тексте некоторых референтов — людей, объектов и др. Говорящий или пишущий при таких упоминаниях может использовать разные **референциальные выражения**: полные именные группы (например, состоящие только из существительного, существительного и определения к нему и др.; ср.: *свидетель, несовершеннолетний свидетель, этот свидетель*), редуцированные референциальные средства — местоимения (например, *он*), а также нули (нулевые элементы).

Кореферентность — это отношение, при котором референциальные выражения ссылаются на один референт. Например, в (33) присутствуют в том числе следующие референциальные выражения: *свидетель М.* (именная группа), *свидетель* (именная группа), *подсудимый* (именная группа), *Бадалян* (именная группа) и *ему* (редуцированное референциальное средство, форма местоимения *он*). При этом ясно, что *свидетель* и *свидетель М.* кореферентны, форма местоимения *ему* также реферирует к свидетелю; после некоторых размышлений также можно решить, что *Бадалян* — это фамилия подсудимого.

- (33) *При таких обстоятельствах данный свидетелем М. ответ «нет» на вопрос, знаком ли ему подсудимый, не подтверждает вывода стороны защиты о том, что свидетель дал показания об отсутствии Бадаляна на месте происшествия (Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2019 № 10-10226/2019).*

Если невозможно однозначно установить кореферентность, мы наблюдаем **референциальную неоднозначность** (ср. пример (19) выше). Неснятая референциальная неоднозначность, по-видимому, встречается в деловых текстах относительно регулярно¹⁶; ср. соответствующий пример (34) (источник: Барабаш 2013), где форма местоимения *ему* может относиться либо к специалисту администрации, либо к заявителю.

- (34) *В случае если для подготовки ответа требуется более продолжительное время, специалист администрации, осуществляющий индивидуальное устное информирование, может предложить заявителю обратиться за необходимой информацией в письменном виде либо назначить другое удобное для него время для устного информирования (Проект постановления «Об утверждении административного регламента администрации Суляевского сельсовета Лопатинского района Пензенской области по предоставлению муниципальной услуги по обеспечению своевременного и полного рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним решений и направлению ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок»; цит. по: (Барабаш 2013, 212)).*

¹⁶ Хотя в своем стремлении к однозначности юристы и избегают использования редуцированных референциальных средств. См., напр., следующую цитату: «Точность юридического языка также предполагает, что существительные в предложениях не заменяются местоимениями» (Mattila 2013, 88).

2.6.4. Промежуточные итоги

Как указано в работе Л. М. Солана (Solán 2005, 79), неоднозначность (ambiguity) редко составляет проблему для юридического толкования. В случае с лексической неоднозначностью это связано с тем, что «обычно понятия, обозначаемые неоднозначными выражениями, настолько различны, что контекст обеспечивает необходимое устранение неоднозначности» (Porsher 2012, 128). Особый случай представляет прочтение юридического текста неюристом (ср. различие лингвистически и юридически определяемых терминов).

Некоторые виды *структурной* (синтаксической) неоднозначности и примеры *референциальной* неоднозначности в языке русского права, насколько можно судить, встречаются достаточно регулярно, поэтому из всех разделов настоящей статьи о неоднозначности для юристов наиболее полезны разделы 2.6.2 и 2.6.3.

2.7. Типы неопределенности (на материале юридических текстов)

Неопределенность (vagueness) — это явление прежде всего лексического происхождения, имеющее истоки в слове (ср.: Bromberger 2012, 76).

Как указано в работе Р. Соренсена, «дать неопределенности определение (что несколько иронично) откровенно сложно» (Sorensen 2018). Существуют различные дефиниции лингвистической неопределенности и различные классификации случаев неопределенности, иногда противоречащие друг другу.

Согласно К. Баркеру, неопределенность (vagueness) — это «обозначение определенного вида *неуверенности в отношении применимости предиката* (курсив наш. — О. Б., С. Б.)» (Barker 2006, 294). В логике и лингвистике принято различать имена — выражения, обозначающие предметы, и предикаты — «выражения, обозначающие свойства предметов и отношения между ними» (Падучева 2009, 175). Например, в предложении *Ребенок высокий* присутствует имя (*ребенок*) и предикат (*быть высоким*), т. е. ребенку приписывается свойство ‘быть высоким’.

О неопределенности говорят в том числе, когда имеют дело с *пограничными случаями* (borderline cases); по выражению Г. П. Грайса, «пограничные случаи» возникают тогда, когда мы не знаем, применимо ли в конкретной ситуации говорения определенное языковое выражение или нам следует отказаться от него (Grice 1989, 177).

Итак, неопределенность приравнивается к *отсутствию четких границ* и охватывает различные *пограничные случаи*; при этом неопределенные выражения подпадают под так называемый *sorites paradox*, или *парадокс кучи* (*парадокс лысыго*). Парадокс основан на принципе допуска, согласно которому «мельчайшая разница в количестве не меняет качества объекта» (Poscher 2012, 133), или, другими словами, «применимость предиката нечувствительна к небольшим изменениям в соответствующей мере» (Solt 2015, 109).

Приведем иллюстрирующий «парадокс кучи» пример (Keefe 2000, 2). Интуитивно понятно, что сотая доля сантиметра не может повлиять на наше суждение о том, является ли конкретный человек высоким или не является. Соответственно, мы можем сформулировать принцип P_1 , согласно которому если человек X высокий, то человек Y , рост которого меньше роста X на сотую долю сантиметра, также высокий. Теперь представим ряд людей, начинающийся с кого-то с ростом 213 сан-

тиметров (7 футов) и продолжающийся некоторым количеством людей, из которых каждый следующий ниже предыдущего на сотую долю сантиметра. Если мы многократно последовательно применяем наш принцип Π_1 , то, двигаясь по ряду от самого высокого человека к самому низкому, мы будем называть каждого следующего человека в ряду высоким и в какой-то момент, добравшись до человека Z с ростом 152 сантиметра (5 футов), назовем высоким и его, а это явно ложное утверждение.

Такой же мысленный эксперимент мы можем провести, убирая из воображаемой кучи песка или кучи зерна по одному зернышку или песчинке либо, напротив, многократно прибавляя к зерну или песчинке по одному зерну или песчинке (либо последовательно прибавляя к единственному волосу на голове человека по одному волоску) и др. (Hyde, Raffman 2018).

Согласно С. Золт (Solt 2015) и др., рассматривая восприимчивость языковых выражений к рассуждениям типа приведенных выше в качестве иллюстрации к «парадоксу кучи», мы можем обнаруживать лингвистически неопределенные (vague) языковые выражения. В их число попадут выражения с прилагательными (например, *высокий, большой, розовый, голубой, лысый, молодой, пожилой*), наречиями (например, *высоко, поблизости, быстро, незамедлительно*), существительными (например, *толпа, скопище*), глаголами (см., напр., действие, обозначенное глаголом *кричать*, для которого можно представить последовательное, минимально заметное уменьшение громкости вокализации), кванторы (например, количественные кванторы *много, множество, большое количество, значительное число, немного, незначительное количество, мало*) и даже предлоги (например, *вблизи, около, возле*) и географические объекты (ср. мысленный эксперимент С. Золт с последовательным удалением от Лондона на 1 миллиметр).

Неопределенность (vagueness) как семантическое свойство выражений естественного языка называют по-разному: indeterminacy, generality, indefiniteness of reference, lack of specification, nondetermination и др. (см., напр.: Zwicky, Sadock 1975). При этом различные исследователи, если говорят о названных списком явлениях в отдельности, а не о неопределенности (vagueness) вообще, определяют их по-разному.

В настоящей статье мы применим трехчленную классификацию случаев неопределенности, опираясь в значительной степени на К. Жань и Р. Пошера (Zhang 1998; Poscher 2012) и различая собственно **неопределенность** (vagueness в узком смысле), **нечеткость** (fuzziness)¹⁷ и **недостаточность конкретизации** (lack of specification)¹⁸.

2.7.1. Неопределенность в узком смысле

Классический пример, содержащий неопределенность (vagueness) и часто приводимый в литературе вопроса, — это пример типа (3) *Вася высокий*, где роль предиката выполняет прилагательное. Если Вася недостаточно высок, чтобы быть

¹⁷ Предлагая русский аналог англ. fuzzy, fuzziness, мы не будем пользоваться возможным вариантом «диффузный», «диффузность» потому, что некоторые релевантные термины имеют другие русские соответствия, ср. “fuzzy logic” и рус. «нечеткая (диффузная) логика».

¹⁸ Недостаточность конкретизации как семантическое свойство единиц словаря часто обозначают с помощью термина «generality» и описывают отдельно от собственно неопределенности (vagueness), однако мы такой схемы придерживаться не будем.

явно высоким, и недостаточно низок, чтобы быть явно невысоким, тогда случай Васи является пограничным и мы сомневаемся в применимости предиката (Smith, Keefe 1999; Barker 2006; Solt 2015 и др.). Важно, что наша неуверенность не связана с незнанием каких-то фактов о Васе, просто на условной шкале вертикального размера нет четкой границы между высокими людьми и всеми остальными.

При интерпретации случаев неопределенности мы можем опираться на некоторые стандарты, пороговые значения роста, определяемые контекстом. Однако ясно, что точные пороговые значения нам также неизвестны. На расположение гипотетической границы (порога) между высокими объектами и всеми остальными может влиять набор объектов, относительно которых оценивается рассматриваемое свойство (Barker 2006). В такой набор «объектов» применительно к рассматриваемому примеру (3) могут входить, например, люди, взрослые люди, взрослые мужчины, подростки, баскетболисты и др.

Так, Ю. Д. Апресян прилагательное *большой* определяет как ‘такой, который по величине больше среднего объекта того же класса или больше человека’ (Апресян 2003, 51), т. е. в качестве стандарта размера может выступать размер человека или же средний размер объекта того же класса (ср. *большой таракан, большой гриб, большая дверь, большой дом*).

В литературе тип неопределенности, представленный в (3), называют «адъективной неопределенностью» (adjectival vagueness). Примеры адъективной неопределенности *чувствительны к контексту* (т. е. на вывод об истинности или ложности суждения (3) может повлиять тот факт, что Вася является баскетболистом или шестилетним ребенком) (см., напр.: Kennedy 2007; Solt 2015). Кроме того, важно, что формировать контексты с адъективной неопределенностью способны *градуальные прилагательные*, передающие *градулируемые признаки*. У таких прилагательных существуют формы *степеней сравнения* (например, *выше, более высокий, менее высокий, самый высокий*), они способны образовывать сочетания с различными *модификаторами степени проявления признака* (например, *слишком, необычайно, очень, крайне*).

В русских юридических текстах периодически встречаются нечеткие контексты с прилагательными *высокий, низкий, значительный, незначительный, легкий, тяжелый* и мн. др., приведем только некоторые примеры, см. (35)–(39). Прилагательные здесь имеют явную семантическую специфику, например, прилагательное *высокий* в цитируемых юридических текстах не описывает параметр вертикального размера.

Кроме того, в юридических текстах принято оперировать целыми шкалами, включающими градуальные прилагательные, при этом некоторые элементы шкал снабжаются модификаторами степени проявления признака типа *крайне* или *особо*, что увеличивает неопределенность (см. об этом раздел 2.7.2.1 ниже). Примером такой шкалы может служить *тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред здоровью человека, или низкая, умеренная, средняя, значительная, высокая, чрезвычайно высокая степень вреда*¹⁹.

¹⁹ См. также случай интерпретации элементов подобной шкалы, где речь идет об определении степени инвалидности через обращение к «Классификации нарушений функций организма по степени выраженности» (Баранов 2012, 316–317).

- (35) Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или **значительную стойкую утрату общей трудоспособности** менее чем на одну треть... (НКРЯ, Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020), ст. 112).
- (36) Не могут служить основанием недействительности завещания опiski и другие **незначительные нарушения** порядка его составления, подписания или удостоверения, если судом установлено, что они не влияют на понимание волеизъявления завещателя (НКРЯ, Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019), п. 3 ст. 1131).
- (37) Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего **кратковременное расстройство здоровья** или **незначительную стойкую утрату общей трудоспособности** <...> (НКРЯ, Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020), п. 1 ст. 115).
- (38) Вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (**тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред**) на основании квалифицирующих признаков, предусмотренных пунктом 4 настоящих Правил... (Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 17.11.2011), п. 3).
- (39) Результаты оценки вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных в случае нарушения требований законодательства в области персональных данных, могут быть оформлены протоколом оценки вреда, в котором для каждой категории субъектов (работники, их родственники, соискатели, клиенты, посетители, руководящий состав и т. п.) и способа обработки персональных данных указывается присвоенная степень вреда. Оператор может сам определить классификацию степеней вреда, например: «**низкая, умеренная, средняя, значительная, высокая, чрезвычайно высокая**»²⁰. Степень тяжести вреда может варьироваться (sic! — О. Б., С. Б.) от степени «чувствительности» данных и их идентифицирующего потенциала, количества обрабатываемых данных, количества субъектов персональных данных, обрабатываемых оператором, и прочих факторов (Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» (автор комментария — А. И. Савельев). М.: Статут, 2017. СПС «КонсультантПлюс»).

Неопределенность высказываний возрастает не только с прибавлением модификаторов степени проявления признака (*очень низкий*), но и с прибавлением хеджей, ср. пример (40) с *явно ниже*, пример (42) с *явно неразумный* (о хеджах также см. раздел 2.7.2.1 настоящей статьи).

- (40) Лицо, в собственности, владении или пользовании которого находится земельный участок, водоем или иной объект, где находится брошенная вещь, стоимость которой **явно ниже** суммы, соответствующей пятикратному минимальному размеру оплаты труда, либо брошенные лом металлов, бракованная

²⁰ Данные категории риска приведены в Постановлении Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ».

продукция, топляк от сплава, отвалы и сливы, образуемые при добыче полезных ископаемых, отходы производства и другие отходы, имеет право обратить эти вещи в свою собственность, приступив к их использованию или совершив иные действия, свидетельствующие об обращении вещи в собственность (НКРЯ, Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020, ст. 226).

Неопределенные контексты с различными градуальными прилагательными и степенными конструкциями (например, состоящими из градуального прилагательного и модификатора степени проявления признака типа *крайне высокий*) предполагают субъективную интерпретацию, они зависят от субъекта оценки, т. е. являются judge-dependent (Bylinina 2016).

Вольность при толковании допускают и контексты с градуальными прилагательными, описывающими **интерпретационно-оценочные характеристики** объектов и ситуаций (о такой категории прилагательных см., напр.: Кустова 2018). К ним относятся, в частности: *пригодный, непригодный, важный, достижимый, недостижимый, желательный, нежелательный, полезный, удобный, эффективный, разумный, неразумный, грубый, приемлемый, неприемлемый* и мн. др., ср. сочетания *грубое нарушение, серьезное повреждение, неприемлемый риск, ненадлежащее исполнение, справедливая стоимость* и примеры (41)–(43).

- (41) *Если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (пункт 2 статьи 456), покупатель вправе назначить ему **разумный срок** для их передачи* (Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020), ст. 464).
- (42) *В заявлении об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о **явно неразумном распоряжении** несовершеннолетним своим заработком, стипендией или иными доходами* (Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 282).
- (43) *В случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, земельный участок может быть временно изъят у его собственника уполномоченными исполнительными органами государственной власти в целях защиты **жизненно важных интересов граждан, общества и государства** от возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами угроз с возмещением собственнику земельного участка причиненных убытков (реквизиция) и выдачей ему документа о реквизиции* (НКРЯ, Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 15.10.2020), ст. 51).

Таким образом, в разделе 2.7.1 мы рассмотрели прототипические (образцовые) случаи неопределенности — контексты с градуальными прилагательными, в частности с параметрическими прилагательными (прилагательными размера). Кроме того, мы ввели в рассмотрение еще более сложные для толкования контексты с градуальными прилагательными, описывающими интерпретационно-оценочные характеристики объектов и ситуаций.

2.7.2. Нечеткость (fuzziness)

2.7.2.1. Хеджи и нечеткие выражения (fuzzy expressions)

Говоря о нечеткости, прежде всего следует упомянуть слова и выражения, которые вслед за Дж. Лакоффом (Lakoff 1973) называют хеджами (hedges), ср.: *почти, вроде, вроде как, вроде бы, как бы, что-то вроде, нечто вроде, своего рода, отчасти, в некотором смысле, в некотором роде, приблизительно, примерно, более или менее, относительно, довольно, в основном, скорее, довольно-таки, по большей части, в определенном смысле* и др., а также выражения типа *очень, на самом деле, действительно, в действительности* и др. По выражению Дж. Лакоффа, это выражения, значение которых имплицитно вовлекает нечеткость и задача которых — сделать положение дел более нечетким или менее нечетким (to make things fuzzier or less fuzzy) (Lakoff 1973, 471). Таким образом, хеджи принадлежат к репертуару средств выражения субъективной модальности, которые «указывают на отношение говорящего к ситуации, о которой он сообщает <...> — желательность, гипотетичность, оценку вероятности и под[обные]» (Падучева 2016).

Существует несколько классификаций хеджей; согласно Э. Принс (Prince et al. 1982; ср. также: Salager-Meyer 1995), среди них можно выделить так называемые shields (выражения типа модальных операторов *возможно, вероятно*) и approximators, которые «регулируют уровень точности» отдельных элементов предложения (Solt 2015, 112). Аппроксиматоры часто модифицируют количественные выражения, но не только; ср.: **ровно пять сантиметров, около двух часов, приблизительно сто рублей, примерно в центре озера**.

Считается, что употребление хеджей в юридических текстах очень ограничено (Anesa 2014, 205), однако в некоторых юридических жанрах некоторые их типы встречаются²¹.

Анализ употребления хеджей, как и вообще систематическое исследование неопределенных выражений в русских юридических документах, — одна из наших будущих задач, однако можно заметить, что в языке русского права периодически наблюдаются по крайней мере такие хеджи, как *явно* (см. примеры (44) и (45) и примеры выше), *очевидно* (см. пример (46)).

(44) *Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения **явно противоречили бы основам правопорядка** (публичному порядку) Российской Федерации <...> (НКРЯ, Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019), ст. 1193).*

(45) *Если содержащийся под стражей обвиняемый и его защитник **явно затягивают** время ознакомления с материалами уголовного дела, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 125 настоящего Кодекса, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела (НКРЯ, Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ», ст. 1).*

²¹ См., напр., работу об эпистемических глаголах типа *считать, верить, сомневаться* в роли хеджей (Vass 2017).

(46) Кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, **очевидно свидетельствующих** о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок (НКРЯ, Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020), ст. 821).

Кроме того, инструментами хеджирования в русских правовых текстах являются **нечеткие выражения с модальностью необходимости** (см. примеры (47), (48)).

(47) В случае заключения субъектами оптового рынка таких договоров стороны **при необходимости** заключают также договор оказания им услуг по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике с системным оператором и договор оказания услуг по передаче электрической энергии с сетевой организацией (НКРЯ, Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об электроэнергетике», ст. 32).

(48) Заседания совета созываются президентом адвокатской палаты **по мере необходимости**, но не реже одного раза в месяц (НКРЯ, Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 31).

Наконец, существуют и хеджи, «специализирующиеся» на юридических текстах, скажем, один из членов списка Дж. Лакоффа (*mutatis mutandis*) периодически встречается в языке права, в том числе в русских текстах (см. пример (49)).

(49) Положения пояснений к товарной позиции 8536 применимы, **mutatis mutandis**, в отношении технических характеристик и функционирования аппаратуры для коммутации или защиты электрических цепей или для подсоединений к электрическим цепям или в электрических цепях (Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (ред. от 17.03.2020). Т. V. Разд. XVI–XXI. Группы 85–97. СПС «КонсультантПлюс»).

Добавление в выражение **модификаторов степени проявления признака** (degree terms) типа *крайне, весьма, существенно, непомерно* и пр. также способно увеличивать неопределенность высказываний (см. об этом, напр.: Bromberger 2012), ср. также примеры (50)–(52). Собственно, некоторые такие модификаторы иногда помещаются в число хеджей.

(50) Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в **крайне неблагоприятное положение** или противоречат основным началам семейного законодательства (НКРЯ, Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020), ст. 42).

(51) <...> информация, полученная в результате декомпилирования, может использоваться лишь для достижения способности к взаимодействию независимо разработанной программы для ЭВМ с другими программами, не может передавать-

ся иным лицам, за исключением случаев, когда это необходимо для достижения способности к взаимодействию независимо разработанной программы для ЭВМ с другими программами, а также не может использоваться для разработки программы для ЭВМ, по своему виду **существенно схожей** с декомпилируемой программой для ЭВМ <...> (НКРЯ, Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 1280).

- (52) Для строительства линий электропередачи, связи, автомобильных дорог, магистральных трубопроводов и других подобных сооружений допускается предоставление сельскохозяйственных угодий из земель сельскохозяйственного назначения **более высокого качества** (НКРЯ, Проект Федерального закона № 162092-3 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (текст по состоянию на 14.12.2001), ст. 35).

Далее, в число нечетких выражений входят **нечеткие кванторы** (fuzzy quantifiers) типа *значительное количество*, *незначительное количество*, *несколько* и пр. (см. примеры (53), (54)). К нечетким выражениям со значением количества, конечно, относятся и выражения с хеджами типа *примерно сто человек*, однако здесь мы говорим о нечетких выражениях, специализирующихся именно на обозначении количества.

- (53) При переработке винограда, предназначенного для использования при производстве продукции виноделия, допускаются следующие технологические приемы и операции: <...> использование для кислотопонижения одного или нескольких из следующих веществ: <...> карбонат кальция, который может содержать **незначительное количество** двойной соли кальция (L+) винной кислоты и (L-) яблочной кислоты (Федеральный закон от 27.12.2019 № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации», ст. 23).
- (54) Уставом корпорации может быть предусмотрено предоставление полномочий единоличного исполнительного органа **нескольким лицам**, действующим совместно, или образование **нескольких единоличных исполнительных органов**, действующих независимо друг от друга (Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 65.3).

Наконец, следует указать и на существование **нечетких выражений со значением времени** (fuzzy time expressions) (Devos et al. 1994). Как и в случае с нечеткими кванторами, среди нечетких выражений со значением времени присутствуют выражения с хеджами (*примерно пять минут*), однако здесь речь идет о специализированных выражениях типа *часто*, *редко*, *иногда*, *незадолго до*, *вскоре после*, *немедленно*, ср. также выражения *немедленное исполнение*, *безотлагательное рассмотрение*, *неотложные меры* и пример (55).

- (55) Решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу, за исключением случаев **немедленного исполнения**, в порядке, установленном федеральным законом (Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 210).

Таким образом, в разделе 2.7.2.1 мы рассмотрели некоторые лексические единицы, способные придавать контекстам нечеткость, а именно: хеджи, модификаторы степени проявления признака, показатели неопределенности (нечеткие кванторы,

нечеткие выражения со значением времени). Эти выражения можно причислить к широкому классу так называемых *эгоцентрических языковых единиц* (эгоцентриков) (см. о них: Падучева 2017).

2.7.2.2. Референциальная нечеткость (referential fuzziness)

Явление, которое мы обозначили как *референциальная нечеткость*, в литературе вопроса именуют *referential vagueness* (Kempson 1977), *referential indeterminacy* (Geeraerts 1993), *vagueness of individuation / vagueness of predication* (Pinkal 1985; Poscher 2012). Если неопределенность в узком смысле описывается прежде всего как свойственная контекстам с градуальными прилагательными, то референциальная нечеткость наблюдается прежде всего у контекстов с некоторыми *нарицательными существительными*.

В случае с референциальной нечеткостью проблема касается так называемой индивидуации, т. е. разделения конкретных сущностей, проведения границы между ними. Имеется в виду, что нельзя провести четкую границу между коленом и ногой, шеей и головой, горой и близлежащей долиной, рекой и ее притоком, днем и вечером (как временными интервалами), Средними веками и Новым временем, молодостью и старостью и др. Соответственно, возникает вопрос, «является ли некоторая потенциальная часть сущности (например, определенная область ноги) на самом деле частью сущности (в данном случае — колена. — О. Б., С. Б.)» (Geeraerts 1993, 228).

Заметим, что если в принципе неясно, где конкретно кончается голова и начинается шея, то границы *области головы и шеи* тем более неясны; между тем именно такие обозначения частей и участков тела встречаются в русских юридических текстах, ср.: *область туловища, область нижних конечностей, волосистая часть головы*. Аналогичным образом мы можем задаться вопросом, где границы между *дневным, вечерним и ночным временем, утренними, дневными и вечерними часами* и др. Кроме того, существенную проблему составляет определение границ территорий, ср. выражения *прилегающая территория, в пределах зоны расположения объекта, в радиусе 150 метров от опасных производственных объектов* и др.

Кроме обсужденной нами «проблемы индивидуации», существует связанная с ней «проблема предикации», которая состоит в том, что между предикатами типа ‘быть горой’ и ‘быть холмом’, ‘быть склоном’ и ‘быть откосом’ нет четких границ (Pinkal 1985, 102).

Таким образом, референциальная нечеткость имеет дело прежде всего с пространственными и временными границами (точнее, с отсутствием четких границ в так называемой внешней, или внеязыковой, действительности). Референциально нечеткими являются в том числе нарицательные существительные, обозначающие временные интервалы, части тела, географические объекты и территории.

2.7.2.3. Классификационная нечеткость (classificatory fuzziness)

а) Качественная классификационная нечеткость. Утверждения (56)–(60) — это широко известные (но русифицированные нами) примеры (источник: Lakoff 1973, 460), где свойство ‘быть птицей’ приписывается дрозду, курице, пингвину,

летучей мыши и корове, т. е. утверждается членство этих живых существ в категории «птицы», а затем соответствующие утверждения оцениваются с точки зрения истинности/ложности.

(56) *Дрозд — это птица* (истинно).

(57) *Курица — это птица* (менее истинно, чем (56)).

(58) *Пингвин — это птица* (менее истинно, чем (57)).

(59) *Летучая мышь — это птица* (ложно или, по крайней мере, очень далеко от истинности).

(60) *Корова — это птица* (абсолютно ложно).

Нечеткость такого типа можно описать «в терминах нечеткого множества, класса сущностей с континуумом степеней членства» (Zhang 1998, 15). Так, мы не сомневаемся, что дрозд принадлежит к классу птиц, а корова к нему не принадлежит (ср. шутку: *Отчего коровы не летают, как птицы?*); относительно курицы у нас возникают сомнения (ср. шуточные утверждения: *Курица — не птица, Болгария — не за граница*), а относительно наличия свойства ‘быть птицей’ у пингвина мы сомневаемся еще сильнее. Таким образом, проблема принадлежности курицы (а также, возможно, в каких-то особых контекстах пингвина и летучей мыши) к классу птиц — это пример пограничных случаев категоризации.

Под **качественной классификационной нечеткостью** будем понимать такие пограничные случаи категоризации, когда имеется какое-то название класса объектов или явлений, но не вполне ясно, какие признаки определенного объекта или явления стоит использовать для отнесения к названному классу (или как названный объект или явление соотносится с прототипическим, образцовым объектом или явлением, при сравнении с которым можно определить членство в классе) (Poscher 2012; Alston 1967, 219).

В литературе принято выделять два подхода к категоризации: **классический**, когда принадлежность классу (категории) присваивается объекту в результате рассмотрения его признаков, и **прототипический** (см., напр.: Rosch 1973; van Deemter 2010, 115–118). Мы можем решить, принадлежит ли какой-то объект или явление определенному классу, сравнивая его с образцовым (прототипическим) представителем класса. При этом можно выделить так называемые **центральные** члены категории (в примере с птицами выше это дрозд) и **периферийные** (в примере с птицами это курица и, возможно, пингвин и летучая мышь) (Lakoff 1973).

Приведем часто цитируемый пример с *vehicle* ‘транспортное средство’ (the “no-vehicles-in-the-park” rule) (Hart 1958, 607), выдержку из локального нормативного акта — Правил посещения Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (61).

(61) *Запрещается: <...> Въезд на территорию музея-заповедника на транспортных средствах без специального пропуска.*

Пример (61) содержит нечеткость (fuzziness) и не позволяет понять, что и на каких основаниях следует считать **транспортным средством** (автомобиль, велосипед, самокат, скейтборд, беговел, роликовые коньки, мотосани, гужевую повозку...). В одном из источников (Slocum 2017, 122–123) приводится механизм толко-

вания таких контекстов судьями, однако обсуждение техник интерпретации нечетких контекстов не входит в задачи настоящей статьи.

При обсуждении случаев классификационной нечеткости можно различать *таксономические* и *собираательные* понятия (Вежбицкая 1996). Таксономические понятия соотносятся с определенными типами живых организмов и существ (ср. такие наименования, как *животное, растение, птица, рыба, дерево* и др.). Собираательные понятия соотносятся с «разнородной совокупностью предметов различных типов» (типами артефактов) (Вежбицкая 1996, 210). Ср. такие понятия, как *мебель, посуда, оружие, одежда*, а также *транспортное средство, табачная продукция, молочная продукция, алкогольные напитки, бытовые приборы, кухонная утварь* и др. Таким образом, таксономические понятия обозначают ‘вид существ’, в то время как собираательные — ‘предметы разных видов’ (Вежбицкая 1996, 209–211).

В литературе по юридической лингвистике обсуждаются сложности интерпретации нечетких контекстов как с таксономическими, так и с собираательными понятиями. Скажем, А. Вагнер приводит в пример процесс в Верховном суде США 1893 г. (*Никсен против Хеддена*), когда суд решал, являются ли помидоры (tomatoes) фруктами или овощами. «Суд отклонил ботаническую истину о том, что помидор на самом деле является большой ягодой», и использовал для описания помидора язык кулинарии (т. е. счел его овощем) (Wagner 2005, 734). На этом примере удобно демонстрировать, что категориальная обработка действительности может осуществляться с применением и социально-научных таксономий, и так называемых категорий folk genera, основанных на разносистемных знаниях, мнениях и представлениях (см. об этом, напр.: Бочкарев 2014).

Для проверки возможности членства объекта в классе применяются определенные языковые конструкции, куда можно пробовать подставлять различные слова и выражения, например: ‘X, Y и другие Z’ (39), ‘X — представитель класса Z’, ‘Среди Z-ов был и X’, ‘X-а следует причислить к числу Z-ов’, ‘Все Z-ы, включая X-а, ...’ и др. (подробнее см.: Розина 1994, 62). Однако ясно, что высказывания типа (62) оцениваются с точки зрения приемлемости по-разному, хотя в некоторых случаях, вероятно, и способны как-то помочь судье в решении вопроса о том, подпадают ли самолеты под федеральный закон США 1919 г., устанавливающий уголовную ответственность за перемещение украденных транспортных средств (vehicles) через границы штатов (об этом кейсе см.: Solan, Gales 2017, 1317–1318).

(62) ?*Самолеты, автомобили и другие транспортные средства.*

В то же время контексты типа (62), которые могут быть использованы для проверки членства *самолетов* в классе *транспортных средств*, иллюстрируют отдельный подтип классификационной нечеткости, который стоит обсудить. Речь идет о *списках, не включающих всех потенциально возможных членов класса*²², но могущих содержать название класса или описание принципов включения объектов в класс (о подобных списках см.: Anesa 2014; Solan 2017); ср. пример (63).

(63) *Коэффициенты страховых тарифов устанавливаются Банком России в зависимости от <...> срока действия договора обязательного страхования, сезонно-*

²² Понятно, однако, что составление исчерпывающих списков не всегда возможно и часто не нужно.

го и иного временного использования транспортного средства; е) **иных обстоятельств, существенно влияющих на вероятность причинения вреда при использовании транспортного средства и на потенциальный размер причиненного вреда** (Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 24.04.2020, с изм. от 25.05.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2020), ст. 9)²³.

Таким образом, контексты типа *X*, *Y* и *другие / иные / прочие Z* содержат нечеткость в том случае, если в них присутствуют названия классов (*Z*), но принципы включения объектов в класс неясны. При таких условиях могут возникать пограничные случаи, затрудняющие толкование (ср. гипотетические кейсы с въехавшей в парк собачьей упряжкой или пожарной машиной и утверждения типа *Пожарная машина — это транспортное средство*).

Заметим, что списки, заканчивающиеся на *и так далее*, *и тому подобное*, также дают повод для вариативных толкований (64).

(64) <...> база данных — объективная форма представления и организации совокупности данных (статей, расчетов и **так далее**), систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ) <...> (НКРЯ, Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (последняя редакция), ст. 4).

б) Количественная классификационная нечеткость. Говоря о количественной классификационной нечеткости, вернемся к «парадоксу кучи» (см. вводную часть разд. 2.7 настоящей статьи) и размышлениям о том, сколько песчинок составляют кучу, сколько человек составляют толпу, группу, шайку или банду, сколько пчел составляют рой, сколько лошадей составляют табун, сколько волков составляют стаю, сколько досок составляют штабель, сколько деревьев составляют рощу или лес и пр.

Таким образом, в этом разделе речь снова идет о **нарицательных существительных**, но таких, которые обозначают **неопределенно большое количество объектов** (некое количество без явных нижних и верхних границ, что порождает возможность существования пограничных случаев). Скажем, неясно, можно ли назвать 100 тыс. чел. *группой*; неясно, как должен вести себя путешественник, ориентируясь на предписание (65), — группу из какого количества человек путешественнику следует считать *толпой*.

(65) *Потенциально больному путешественнику и ее/его спутникам следует отойти от толпы* <...> (Временное руководство ВОЗ от 19.03.2020 «Тактика в отношении больных пассажиров в пунктах въезда — международных аэропортах, морских портах и наземных пунктах пропуска — в контексте вспышки COVID-19», п. 1).

Существительные, обозначающие большое количество объектов, способны становиться количественными кванторами (см., напр.: Рахилина 2009) и образовывать конструкции типа «существительное-квантор + существительное в роди-

²³ В примере (63) нечеткость усиливается за счет использования наречия *существенно*.

тельном падеже множественного числа», ср.: (*массовое*) *скопление граждан, группа лиц* и пример (66), где законодателем обозначен нижний порог размеров группы (два человека), при этом верхний порог не определен.

(66) *Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора* (Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 35).

К случаям количественной классификационной нечеткости можно причислить также разнообразие *прилагательные* со значениями типа 'имеющий мало чего-то или кого-то' (ср.: *лысый, плешивый, маловодный, малолюдный, малооблачный*) и 'имеющий много чего-то или кого-то' (ср.: *косматый, пушистый, жилистый, костистый, ветвистый, стволистый, суковатый, дырчатый, многодетный, многоместный*). Такие прилагательные могут образовывать ряды (ср.: *малоэтажный — среднеэтажный — многоэтажный, малодетный — среднедетный — многодетный*), а для их анализа также может привлекаться «парадокс кучи» («парадокс лысого»).

Наконец, в ходе обсуждения количественной классификационной нечеткости и в целом степенной неопределенности (*vagueness of degree*) в литературе вопроса традиционно рассматриваются прилагательные цвета (*серый, розовый, зеленый* и др.).

В применении к цветам «парадокс кучи» может иметь следующий вид (иллюстрация предложена в работе О. Йонссона, мы приводим ее здесь без изменений; так как автора интересует интерпретация неопределенных контекстов в праве, он придумывает гипотетический «Закон о запрете розовых домов», *No Pink Houses Law*):

Принят закон, запрещающий красить дома в розовый цвет. Назовем его «Законом о запрете розовых домов». Группа людей, называющих себя «Розовым сообществом», решает подорвать закон. Они покупают огромное количество красной краски и делят ее на тысячу равных частей, пронумерованных $P_1, P_2, P_3, \dots, P_{1000}$, каждая из которых достаточно велика, чтобы покрасить весь дом. Затем они добавляют немного белой краски в P_1 , добавляют две порции белой краски в P_2 , три порции белой краски в P_3 и так далее. В результате P_1 все еще явно красный, а P_{1000} практически белый. Цвета между ними образуют спектр от красного до розового и белого. Затем члены «Розового сообщества» раскрашивают свои дома в разные цвета — от красного до розового и белого. Должно быть достаточно ясно, что очень многие члены Розового общества нарушили «Закон о запрете розовых домов» (Jónsson 2009, 194).

Таким образом, по крайней мере некоторые дома членов «Розового сообщества» было бы трудно назвать *определенно красными*, в отличие от *определенно розовых*; такие дома и будут пограничными случаями категоризации.

Согласно очень предварительным наблюдениям, в русских правовых текстах встречаются цветообозначения (ср. пример (67), содержащий несколько избыточное толкование *розовоокрашенного зерна как зерна с розовой пигментацией оболочек*). Можно думать, что авторы документов не вполне отдают себе отчет в том, какую неопределенность и субъективизм таят в себе цветоименования.

- (67) ...розовоокрашенное зерно — зерно выполненное, блестящее, с **розовой пигментацией оболочек** преимущественно в области зародыша... (Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 874 «О принятии технического регламента Таможенного союза “О безопасности зерна”» (ред. от 15.09.2017), вместе с «ТР ТС 015/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности зерна»).

Подводя предварительные итоги, заметим, что уточнения в правовых документах могут требовать и другие выражения, в частности, описывающие *температуру и температурные ощущения, громкость звучания и уровень шума* (пример (68), относительно которого можно сказать, что у суда вряд ли был шанс измерить уровень шума в децибелах), *обонятельные, осязательные и вкусовые ощущения*.

- (68) Суд установил, что «...рассматриваемое собрание не являлось **шумным мероприятием**, а представляло собой спокойную религиозную церемонию, проводимую в актовом зале, которая не нарушала общественный порядок и не представляла для него никакой опасности» (Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 3 (2015), утв. Президиумом Верховного суда РФ 25.11.2015 (ред. от 28.03.2018)).

2.7.3. Недостаточность конкретизации (*lack of specification, underspecificity*)

Считается, что недостаточность конкретизации, в отличие от двух других случаев неопределенности (неопределенности в узком смысле и нечеткости), не содержит никаких пограничных случаев (Smith, Keefe 1999). Если недостаточность конкретизации наблюдается на лексическом уровне (для отдельных слов в лексической системе языка), ее обозначают как *generality* (Zhang 1998; Devos 2003). Суть явления в том, что некоторые слова не передают конкретной семантической информации, при этом их значение может быть вполне определенным. Самый частотный пример из литературы вопроса — английское слово *neighbor* ‘сосед, соседка’, не уточняющее пол, возраст и расу (Kempson 1977) живущего рядом человека (ср.: *the girl next door*)²⁴. Слово применяется к какому-то сегменту реальности, когнитивно более дробному и разложимому на меньшие сегменты (Devos 2003), при этом меньшие сегменты могут обозначаться с помощью каких-то существующих специальных слов, а могут и не обозначаться.

Эти рассуждения удобно иллюстрировать с помощью терминов родства, как это и делает Ф. Девос. Например, в русском языке существует слово *дядя* ‘брат отца или матери’ (Евгеньева 1981–1984, I, 460), таким образом, слово *дядя* не уточняет, является дядя родственником со стороны отца или матери. В то же время в истории русского языка был период, когда существовало два слова (*уй* ‘дядя по матери’ и *стрый* ‘дядя по отцу’) (Трубачев 1959, 79–84). Ср. также слово *ребенок*, не конкретизирующее пол, и слова *девочка* и *мальчик*; заимствование *сиблинг* ‘брат или сестра’; *родитель* ‘отец или мать’; *опекун* (который может быть мужского или женского пола) и др.

²⁴ К. Жань замечает, что английское слово *neighbor* ‘сосед’ содержит нечеткость, так как неясно, на каком отдалении от условного говорящего сосед обитает (Zhang 1998).

Недостаточно конкретизированные контексты имеют вид типа *X* — *целое число больше тридцати* (пример из: Smith, Keefe 1999, 861). В русском языке права такие вхождения наблюдаются периодически; ср. примеры (69)–(71), где недостаточно точны указания на временные периоды и расстояние (заметим в скобках, что пример (70) содержит также рекомендацию проводить обработку пестицидами в *безветренную погоду* — это случай количественной классификационной нечеткости).

- (69) *Досрочное голосование проводится не менее четырех часов в день в рабочие дни в вечернее время (после 16 часов по местному времени) и в выходные дни* (Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020), ст. 65).
- (70) *Очаговую обработку насаждений пестицидами проводят в ранние утренние (до 7 часов) или вечерние (после 22 часов) часы, в безветренную погоду* (Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 02.03.2010 № 17 «Об утверждении СанПиН 1.2.2584-10» (ред. от 10.06.2016) вместе с «СанПиН 1.2.2584-10. Гигиенические требования к безопасности процессов испытаний, хранения, перевозки, реализации, применения, обезвреживания и утилизации пестицидов и агрохимикатов. Санитарные правила и нормативы» (зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2010 № 17126), п. XV).
- (71) *Г. с расстояния не более 10 метров с целью причинения смерти произвел один выстрел в убегающего Н., но промахнулся* (Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 2 (2019), утв. Президиумом Верховного суда РФ 17.07.2019).

3. Выводы

В настоящей статье мы привели классификацию выражений, содержащих лингвистическую неоднозначность и лингвистическую неопределенность. На материале юридических текстов мы показали примеры лексической, синтаксической и референциальной неоднозначности, а также примеры неопределенности в контекстах с градуальными прилагательными, хеджами, модификаторами степени проявления признака и др. Наконец, мы обсудили недостаточность конкретизации, наблюдаемую у слов, не передающих какой-то конкретной семантической информации, и в недостаточно конкретизированных контекстах.

За рамками работы частично остались проблемы интерпретации выражений, содержащих лингвистическую неоднозначность и лингвистическую неопределенность. Между обозначенными феноменами и в этом отношении наблюдаются существенные различия. Устранение неоднозначности (или снятие неоднозначности) предусматривает выбор между альтернативными прочтениями контекста, исключаящими друг друга. Уточнение неопределенных контекстов «производится более или менее произвольно за счет уменьшения пограничной области неопределенности» (Pinkal 1996, 196), ср. пример (72), в котором уточняется набор объектов, относительно которых оценивается свойство ‘быть высоким’; в результате неопределенность уменьшается, но не пропадает вовсе.

- (3) *Вася высокий.*

(72) *Вася высокий даже для баскетболиста.*

И неоднозначность, и неопределенность в правовых текстах неизбежны, поскольку юристы пользуются естественным языком. Как уже было указано ранее, снятие неоднозначности обычно не представляет существенной проблемы, в том числе при толковании юридических текстов (Solan 2005; Anesa 2014). В то же время возможности уточнения неопределенных контекстов явно имеют свои пределы.

Между тем взгляд на неопределенность (vagueness) как на неизбежное и неустранимое зло является чрезмерным упрощением. Неопределенные контексты предоставляют пространство для интерпретации, дают толкователю (например, судье) возможность «интегрировать элементы внешней действительности в правовую сферу в рамках предписывающих аргументов» (Wagner 2005, 733).

Источник неопределенности не только в том, что составители юридических текстов могут не вполне представлять себе ресурсы естественного языка как своего основного инструмента. Он еще и в том, что положения юридического текста должны быть сформулированы достаточно общо для того, чтобы быть универсально применимыми, и достаточно конкретно для того, чтобы быть приложимыми к самым разнообразным индивидуальным обстоятельствам, в том числе потенциальным (Anesa 2014 и мн. др.). Данные особенности позволяют рассматривать неопределенность как неотъемлемый элемент языка права. Более того, некоторые теоретики права считают, что неопределенность выполняет в языке права (точнее, языке законов) особую конструктивную функцию²⁵.

Библиография

- Апресян, Юрий Д., ред. 2003. *Новый объяснительный словарь синонимов*. М.: Языки славянской культуры.
- Апресян, Юрий Д. 1971. «О регулярной многозначности». *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка* XXX (6): 509–523.
- Апресян, Юрий Д. 1984. «Семантика». *Энциклопедический словарь юного филолога*, 259–261. М.: Педагогика.
- Барабаш, Ольга В. 2013. «К проблеме толкования правовых документов: антикоррупционный аспект». *Политическая лингвистика* 3: 209–214.
- Баранов, Анатолий Н. 2012. *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика*: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука.
- Бочаров, Виктор В., Ольга В. Митренина. 2017. «Компьютерная морфология». *Прикладная и компьютерная лингвистика*, под ред. Игоря С. Николаева, Ольги В. Митрениной, Татьяны М. Ландо, 14–34. М.: Издательская группа URSS.
- Бочкарев, Андрей Е. 2014. «Категоризация». *Семантика. Основной лексикон*, 113–117. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
- Вежбицкая, Анна. 1996. «Прототипы и инварианты». *Язык. Культура. Познание*, под ред. Михаила А. Кронгауза, 201–230. М.: Русские словари.
- Власенко, Николай А. 2013. «Неопределенность в праве: природа и формы выражения». *Журнал российского права* 2 (194): 32–44.
- Геккина, Елена Н. 2019. «Синтаксическая омонимия в деловом дискурсе: опыт типологии под углом зрения экспертных задач». *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 15 (1): 130–142. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715106>.

²⁵ Это спорное утверждение; о дискуссии его сторонников и противников см., напр.: (Asgeirsson 2011).

- Гладкий, Алексей В. 1985. *Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения*. М.: Наука.
- Добров, Алексей В. 2017. «Компьютерный синтаксис». *Прикладная и компьютерная лингвистика*, под ред. Игоря С. Николаева, Ольги В. Митрениной, Татьяны М. Ландо, 35–59. М.: Издательская группа URSS.
- Додонов, Вячеслав Н., Виктор Д. Ермаков, Марина А. Крылова. 2001. *Большой юридический словарь*. М.: Инфра-М.
- Евгеньева, Анастасия П., ред. 1981–1984. *Словарь русского языка*: в 4 т. М.: Русский язык.
- Зализняк, Анна А. 2003. «Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности». *Доклады международной конференции «Диалог 2003»*. Дата обращения 15 августа, 2020. <http://www.dialog-21.ru/media/2705/zalizniak.pdf>.
- Зализняк, Анна А. 2013. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры.
- Захаренко, Елена Н., Любовь Н. Комарова, Ия В. Нечаева. 2003. *Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний*. М.: Азбуковник. Дата обращения 15 августа, 2020. <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&r=232>.
- Зуга, Оксана В. 2019. «Конструкции со значением определения в нормативных правовых актах: проблемы восприятия и интерпретации». *Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сб. науч. работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы»* (Москва, 1–2 октября 2019 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина.
- Иванова, Анна Ю. 2018. *Русский язык в деловой документации: учебник и практикум для среднего профессионального образования*. М.: Юрайт.
- Иорданская, Лидия Н. 1967. «Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза)». *Научно-техническая информация: бюллетень 2* (5): 9–17.
- Князев, Юрий П. 2007. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры.
- Кустова, Галина И. 2018. «Прилагательное». *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Дата обращения 15 августа, 2020. http://rusgram.ru/pdf/adjective_kustova_2018_06_final_print.pdf.
- Мистюк, Татьяна Л. 2017. «Нарушение лексических норм русского языка и их отражение в материалах судебной лингвистической экспертизы». *Филологические науки. Вопросы теории и практики 3* (69): 139–142.
- Муравенко, Елена В. 2008. «Что такое синтаксическая омонимия». *Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2005 и 2006*, под ред. Елены В. Муравенко, Ольги Ю. Шеманаевой, 153–158. М.: МЦНМО.
- Назаренко, Татьяна Н. 2006. «Неопределенность в российском праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Российская академия правосудия.
- Падучева, Елена В. 2009. «О структуре абзаца». Падучева, Елена В. *Статьи разных лет*, 173–180. М.: Языки славянской культуры.
- Падучева, Елена В. 2016. «Модальность». *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Дата обращения 15 августа, 2020. http://rusgram.ru/pdf/1_modality_201604_finalfinal.pdf.
- Падучева, Елена В. 2017. «Эгоцентрические языковые единицы». *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. Дата обращения 15 августа, 2020. http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf.
- Перцов, Николай В. 2000. «О неоднозначности в поэтическом языке». *Вопросы языкознания 3*: 55–82.
- Рахилина, Екатерина В. 2009. «Семантика лексической множественности в русском языке». *Вопросы языкознания 4*: 13–40.
- Розина, Раиса И. 1994. «Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и в тексте». *Вопросы языкознания 6*: 60–78.
- Рубашкин, Валерий Ш. 2010. «Информационный анализ делового текста. Стратегии анализа и компоненты анализатора». *Электронные библиотеки 13* (1). Дата обращения 15 августа, 2020. <https://elbib.ru/article/view/297>.

- Санников, Владимир З. 2002. *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки славянской культуры.
- Соболева, Анита К. 2007. «Законодательная дефиниция как способ преодоления многозначности слова в юридическом дискурсе». *Юридическая техника* 1: 116–122.
- Третьякович, Екатерина В. 2018. «Семантическая неопределенность в российском праве». *Международный журнал гуманитарных и естественных наук* 5 (2): 285–290.
- Трубачев, Олег Н. 1959. *История славянских терминов родства*. М.: Издательство АН СССР.
- Федорова, Ольга В. 2014. *Экспериментальный анализ дискурса*. М.: Языки славянской культуры.
- Федорова, Ольга В. 2015. «Типология референциальных конфликтов (экспериментальное исследование)». *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика*, сост. Андрей А. Кибрик, Алексей Д. Кошелев, 635–675. М.: Языки славянской культуры.
- Хазова, Ольга А. 2016. *Искусство юридического письма*. М.: Издательство Юрайт.
- Чернова, Дарья В. 2016. «Процесс обработки синтаксически неоднозначных предложений: психолингвистическое исследование». Дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет.
- Ahrens, Kathleen V. 1998. "Lexical ambiguity resolution: Languages, tasks, and timing". *Syntax and Semantics*, vol. 31: *Sentence Processing: A Crosslinguistic Perspective*, ed. by Dieter Hillert, 11–31. San Diego: Academic Press.
- Alston, William P. 1967. "Vagueness". *Encyclopedia of Philosophy*, ed. by Paul Edwards, 218–221. New York: MacMillan and Free Press.
- Altmann, Gerry T. 1998. "Ambiguity in sentence processing". *Trends in Cognitive Sciences* 2: 146–152.
- Anesa, Patrizia. 2014. "Defining Legal Vagueness: A Contradiction in Terms?" *Pólemos* 8 (1): 193–209.
- Asgeirsson, Hrafn. 2011. "Vagueness and Power Delegation in Law: A Reply to Sorensen". *Law and Language. Current Legal Issues* 15: 344–355.
- Barker, Chris. 2006. "Vagueness". *Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. by Keith Brown, 294–298. Oxford, UK: Elsevier.
- Biber, Douglas. 1988. *Variations across speech and writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bromberger, Sylvain. 2012. "Vagueness, Ambiguity, and the 'Sound' of Meaning". *Analysis and Interpretation in the Exact Sciences. Essays in Honor of William Demopoulos*, eds Melanie Frappier, Derek Brown, and Robert Disalle, 75–94. New York: Springer.
- Bylinina, Lisa. 2016. "Judge-Dependence in Degree Constructions". *Journal of Semantics* 34 (2): 291–331. <https://doi.org/10.1093/jos/ffw011>.
- Clark, Herbert H. 1996. *Using Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Devos, Filip. 2003. "Semantic Vagueness and Lexical Polyvalence". *Studia Linguistica* 57 (3): 121–141.
- Devos, Filip, Nancy Van Gyseghem, Ria Vandenberghe, Rita De Caluwe. 1994. "Modelling vague lexical time expressions by means of fuzzy set theory". *Journal of Quantitative Linguistics* 1 (3): 189–194. <https://doi.org/10.1080/09296179408590016>.
- Empson, William. 1965. *Seven types of ambiguity*. Edinburgh: Penguin Books.
- Endicott, Timothy A. O. 1997. "Vagueness and Legal Theory". *Legal Theory* 3 (1): 37–63. <https://doi.org/10.1017/S135232520000063X>.
- Engberg, Jan, Dorothee Heller. 2007. "Vagueness and Indeterminacy in Law". *Legal Discourse across Cultures and Systems*, eds Vijay K. Bhatia, Christopher N. Candlin, Jan Engberg, Jane Lung, 145–168. Hong Kong: Hong Kong University Press, HKU.
- Fedorova, Olga V. 2014. "The role of potential referential conflict in the choice of a referring expression". *The Russian Journal of Cognitive Science* 1 (1–2): 6–21.
- Ferreira, Victor S., Robert Slevc, Erin S. Rogers. 2005. "How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions?" *Cognition* 96: 263–284.
- Geeraerts, Dirk. 1993. "Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries". *Cognitive Linguistics* 4 (3): 223–272. <https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.3.223>.
- Greenawalt, Kent. 2001. "Vagueness and judicial responses to legal indeterminacy". *Legal Theory* 7 (4), 433–445. <https://doi.org/10.1017/S1352325201704077>.
- Grice, Paul H. 1989. *Studies in the Way of Words*. Harvard: Harvard University Press.
- Hankamer, Jorge. 1973. "Unacceptable Ambiguity". *Linguistic Inquiry* 4 (1): 17–68.
- Hart, Herbert. 1958. "Positivism and the separation of law and morals". *Harvard Law Review* 71: 593–629.

- Hyde, Dominic, Diana Raffman. 2018. "Sorites Paradox". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/sorites-paradox>.
- Jónsson, Ólafur P. 2009. "Vagueness, Interpretation, and the Law". *Legal Theory* 15 (3): 193–214. <https://doi.org/10.1017/S1352325209990012>.
- Keefe, Rosanna. 2000. *Theories of Vagueness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kempson, Ruth M. 1977. *Semantic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kennedy, Christopher. 2007. "Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives". *Linguistics & Philosophy* 30: 1–45. <https://doi.org/10.1007/s10988-006-9008-0>.
- Korta, Kepa, John Perry. 2020. "Pragmatics". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/pragmatics>.
- Lakoff, George. 1970. "A Note on Vagueness and Ambiguity". *Linguistic Inquiry* 1 (3): 357–359.
- Lakoff, George. 1973. "Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts". *Journal of Philosophical Logic* 2 (4): 458–508.
- Larenz, Karl, Claus-Wilhelm Canaris. 1995. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-08709-1>.
- MacDonald, Maryellen C., Neal J. Pearlmutter, Mark S. Seidenberg. 1994. "The lexical nature of syntactic ambiguity resolution". *Psychological Review* 101 (4): 676–703. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.101.4.676>.
- Manning, Christopher D., Hinrich Schütze. 1999. *Foundations of Statistical Natural Language Processing*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
- Mattila, Heikki E. S. 2013. *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. London; New York: Routledge.
- Mellinkoff, David. 1963. *The Language of the Law*. Boston; Toronto: Little, Brown & Co.
- Moldovan, Andrei. 2019. "Descriptions and Tests for Polysemy". *Axiomathes* n/a: 1–12. <https://doi.org/10.1007/s10516-019-09445-y>.
- Piantadosi, Steven T., Harry Tily, Edward Gibson. 2012. "The communicative function of ambiguity in language". *Cognition* 122 (3): 280–291. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.10.004>.
- Pinkal, Manfred. 1985. *Logic and lexicon: the semantics of the indefinite*. Dordrecht: Springer Science + Business Media Dordrecht.
- Pinkal, Manfred. 1996. "Vagueness, Ambiguity and Underspecification". *Proceedings from the Conference on Semantics and Linguistic Theory, Rutgers University (SALT)*, eds Teresa Galloway, Justin Spence, 185–201. Ithaca: Cornell University.
- Poscher, Ralf. 2012. "Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation". *The Oxford Handbook of Language and Law*, eds Lawrence M. Solan, Peter M. Tiersma, 128–144. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0010>.
- Prince, Ellen F., Joel Frader, Charles Bock. 1982. "On hedging in physician-physician discourse". *Linguistics and the Professions*, ed. by Robert J. di Pietro, 83–97. Norwood, NJ: Ablex Publishing.
- Rosch, Eleanor H. 1973. "On the internal structure of perceptual and semantic categories". *Cognitive Development and the Acquisition of Language*, ed. by Timothy E. Moore, 111–144. New York: Academic Press.
- Salager-Meyer, Françoise. 1995. "I think that perhaps you should: A study of hedges in written scientific discourse". *The Journal of TESOL France* 2 (2): 127–143.
- Schane, Sanford. 2002. "Ambiguity and Misunderstanding in the Law". *Thomas Jefferson Law Review* 25 (1): 167–194. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/tjeflr25&div=3&id=&page=>.
- Sennet, Adam. 2016. "Ambiguity". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2016 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/ambiguity/>.
- Slocum, Brian G. 2017. "Pragmatics and Legal Texts: How Best to Account for the Gaps between Literal Meaning and Communicative Meaning". *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*, eds Janet Giltrow, Dieter Stein, 119–144. Boston, Berlin: de Gruyter Mouton.

- Smith, Peter, Rosanna Keefe. 1999. "Vagueness". *The MIT encyclopedia of the cognitive sciences*, eds Robert A. Wilson, Frank C. Keil, 861–862. The MIT Press.
- Solan, Lawrence M. 2005. "Vagueness and ambiguity in legal interpretation". *Vagueness in Normative Texts. Linguistic Insights Studies in language and Communication* 23, eds Vijay Kumar Bhatia, Jan Engberg, Maurizio Gotti, Dorothee Heller, 73–96. Bern: Peter Lang.
- Solan, Lawrence M. 2017. "One ambiguity, three legal approaches". *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*, eds Janet Giltrow, Dieter Stein, 145–164. Boston, Berlin: de Gruyter Mouton.
- Solan, Lawrence M., Tammy Gales. 2017. "Corpus Linguistics as a Tool in Legal Interpretation". *Brigham Young University Law Review* 2017 (6): 1311–1358. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2017/iss6/5>.
- Solt, Stephanie. 2015. "Vagueness and Imprecision: Empirical Foundations". *Annual Review of Linguistics* 1 (1): 107–127. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguist-030514-125150>.
- Sorensen, Roy 2001. "Vagueness Has No Function in Law". *Legal Theory* 7 (4): 387–417. <https://doi.org/10.1017/S1352325201704041>.
- Sorensen, Roy. 2018. "Vagueness". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Дата обращения 15 августа, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/vagueness/>.
- Tanenhaus, Michael K., Julie C. Sedivy. 1999. "Ambiguity". *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences*, eds Robert A. Wilson, Frank C. Keil, 14–15. Cambridge, MA: MIT Press.
- Van Deemter, Kees. 2010. *Not Exactly: In Praise of Vagueness*. New York: Oxford University Press Inc.
- Van Trijp, Remi. 2017. "Transparency versus Processing Efficiency: A Case Study on German Declension". *Language, Cognition, and Computational Models*, eds Thierry Poibeau, Aline Villavicencio, 289–318. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316676974.011>.
- Vass, Holly. 2017. "Lexical verb hedging in legal discourse: The case of law journal articles and Supreme Court majority and dissenting opinions". *English for Specific Purposes* 48: 17–31.
- Wagner, Anne. 2005. "Law on Language". *Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. by Keith Brown, 731–737. Oxford, UK: Elsevier.
- Wasow, Thomas, Amy Perfors, David Beaver. 2005. "The Puzzle of Ambiguity". *Morphology and the Web of Grammar: Essays in Memory of Steven G. Lapointe*, eds Orhan Orgun, Peter Sells, 265–282. Stanford: CSLI Publications.
- Wasow, Thomas. 2015. "Ambiguity Avoidance is Overrated". *Ambiguity: Language and Communication*, ed. by Susanne Winkler, 29–48. Berlin: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110403589-003>.
- Winter-Froemel, Esmé, Angelika Zirker. 2015. "Ambiguity in Speaker-Hearer-Interaction: A Parameter-Based Model of Analysis". *Ambiguity: Language and Communication*, ed. by Susanne Winkler, 283–340. Berlin: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110403589-013>.
- Zeller, Tom. 2018. "Detecting Ambiguity in Statutory Texts". Bachelor thesis, Universität Stuttgart.
- Zhang, Qiao. 1998. "Fuzziness-vagueness-generalization-ambiguity". *Journal of Pragmatics* 29 (1): 13–31.
- Zwicky, Arnold M., Jerrold M. Sadock. 1975. "Ambiguity tests and how to fail them". *Syntax and Semantics* 4, ed. by John P. Kimball, 1–36. New York: Academic Press.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2020 г.;
рекомендована в печать 2 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Блинова Ольга Владимировна — канд. филол. наук, доц.; o.blinova@spbu.ru, ovblinova@hse.ru
Белов Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доц.; s.a.belov@spbu.ru

Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts*

O. V. Blinova^{1,2}, S. A. Belov¹

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics,

16, ul. Soyuzna Pechatnikov, St. Petersburg, 190068, Russian Federation

For citation: Blinova, Olga V., Sergei A. Belov. 2020. “Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 774–812.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401> (In Russian)

In Russian legal texts there are many various language-based phenomena identified by lawyers as “cases of indeterminacy.” Looking at these phenomena from a linguistic point of view allows one to offer their meaningful classification. This article presents such a classification. It is based on the traditional distinction between ambiguity (we discuss only lexical, structural, and referential ambiguity) and vagueness, namely: vagueness in the narrow sense, fuzziness (we distinguish between referential fuzziness, classificatory fuzziness, and lexical fuzzy expressions including hedges, fuzzy quantifiers etc.), and lack of specification. In addition to the classification itself, the article provides some semantic tests and a variety of examples that illustrate the different types of ambiguity and vagueness, including those from Russian legal texts. We particularly argue that the cases of syntactic and referential ambiguity are periodically encountered in Russian language of law. Among them, for example, the cases of coordination ambiguity, the cases of relative clause attachment ambiguity and others. At the same time, the found examples of vagueness are expectedly much more numerous. The article aims to provide lawyers with tools for the systematic search and analysis of cases of linguistic ambiguity and vagueness in Russian texts.

Keywords: legal language, Russian, semantics, ambiguity, lexical ambiguity, structural ambiguity, vagueness, fuzziness, lack of specification.

References

- Ahrens, Kathleen V. 1998. “Lexical ambiguity resolution: Languages, tasks, and timing”. *Syntax and Semantics*, vol. 31: *Sentence Processing: A Crosslinguistic Perspective*, ed. by Dieter Hillert, 11–31. San Diego, Academic Press.
- Alston, William P. 1967. “Vagueness”. *Encyclopedia of Philosophy*, ed. by Paul Edwards, 218–221. New York, MacMillan and Free Press.
- Altmann, Gerry T. 1998. “Ambiguity in sentence processing”. *Trends in Cognitive Sciences* 2: 146–152.
- Anesa, Patrizia. 2014. “Defining Legal Vagueness: A Contradiction in Terms?” *Pólemos* 8 (1): 193–209.
- Apresian, Iurii D., 1971. “On regular polysemy”. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka* XXX (6): 509–523. (In Russian)
- Apresian, Iurii. D. 1984. “Semantics”. *Entsiklopedicheskii slovar' iunogo filologa*, 259–261. Moscow, Pedagogika Publ. (In Russian)
- Apresian, Iurii D., ed. 2003. *New explanatory dictionary of synonyms*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Asgeirsson, Hrafn. 2011. “Vagueness and Power Delegation in Law: A Reply to Sorensen”. *Law and Language. Current Legal Issues* 15: 344–355.
- Barabash, Olga V. 2013. «To the problem of interpretation of legal documents: Anticorruption aspect». *Politicheskaiia lingvistika* 3: 209–214. (In Russian)

* This paper was supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00525 “Understanding official Russian: the legal and linguistic issues”.

- Baranov, Anatolii N. 2012. *Linguistic Text Expertise*, tutorial. Moscow, Flinta, Nauka Publ. (In Russian)
- Barker, Chris. 2006. "Vagueness". *Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. by Keith Brown, 294–298. Oxford, UK, Elsevier.
- Biber, Douglas. 1988. *Variations across speech and writing*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Bocharov, Viktor V., Olga V. Mitrenina. 2017. "Computer morphology". *Prikladnaia i komp'iuternaia lingvistika*, eds Igor S. Nikolaev, Olga V. Mitrenina, Tatiana M. Lando, 14–34. Moscow, URSS Publ. (In Russian)
- Bochkarev, Andrei E. 2014. "Categorization". *Semantika. Osnovnoi leksikon*, 113–117. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ. (In Russian)
- Bromberger, Sylvain. 2012. "Vagueness, Ambiguity, and the 'Sound' of Meaning". *Analysis and Interpretation in the Exact Sciences. Essays in Honor of William Demopoulos*, eds Melanie Frappier, Derek Brown, and Robert Disalle, 75–94. New York, Springer.
- Bylinina, Lisa. 2016. "Judge-Dependence in Degree Constructions". *Journal of Semantics* 34 (2): 291–331. <https://doi.org/10.1093/jos/ffw011>.
- Chernova, Daria V. 2016. "Processing of syntactically ambiguous sentences: psycholinguistic study". PhD Diss. in Philology, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Clark, Herbert H. 1996. *Using Language*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Devos, Filip. 2003. "Semantic Vagueness and Lexical Polyvalence". *Studia Linguistica* 57 (3): 121–141.
- Devos, Filip, Nancy Van Gyseghem, Ria Vandenberghe, Rita De Caluwe. 1994. "Modelling vague lexical time expressions by means of fuzzy set theory". *Journal of Quantitative Linguistics* 1 (3): 189–194. <https://doi.org/10.1080/09296179408590016>.
- Dobrov, Aleksei V. 2017. "Computer syntax". *Prikladnaia i komp'iuternaia lingvistika*, eds Igor S. Nikolaev, Olga V. Mitrenina, Tatiana M. Lando, 35–59. Moscow, URSS Publ. (In Russian)
- Dodonov, Viacheslav N., Viktor D. Ermakov, Marina A. Krylova. 2001. *Big Law Dictionary*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Empson, William. 1965. *Seven types of ambiguity*. Edinburgh, Penguin Books.
- Engberg, Jan, Dorothee Heller. 2007. "Vagueness and Indeterminacy in Law". *Legal Discourse across Cultures and Systems*, eds Vijay K. Bhatia, Christopher N. Candlin, Jan Engberg, Jane Lung, 145–168. Hong Kong, Hong Kong University Press, HKU.
- Endicott, Timothy A. O. 1997. "Vagueness and Legal Theory". *Legal Theory* 3 (1): 37–63. <https://doi.org/10.1017/S135232520000063X>.
- Evgenieva, Anastasiia P., ed. 1981–1984. *Dictionary of the Russian language*: in 4 vols. Moscow, Russkii iazyk Publ. (In Russian)
- Fedorova, Olga V. 2014. *Experimental Discourse Analysis*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Fedorova, Olga V. 2014. "The role of potential referential conflict in the choice of a referring expression". *The Russian Journal of Cognitive Science* 1 (1–2): 6–21.
- Fedorova, Olga V. 2015. "Typology of referential conflicts (experimental study)". *Iazyk i mysl'. Sovremennaiia kognitivnaia lingvistika*, comp. by Andrei A. Kibrik, Aleksei D. Koshelev, 635–675. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Ferreira, Victor S., Robert Slevc, Erin S. Rogers. 2005. "How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions?" *Cognition* 96: 263–284.
- Geeraerts, Dirk. 1993. "Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries". *Cognitive Linguistics* 4 (3): 223–272. <https://doi.org/10.1515/cogl.1993.4.3.223>.
- Gekkina, Elena N. 2019. "Syntactic ambiguity in business discourse: the typology experience from the perspective of the expert tasks". *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN* 15 (1): 130–142. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715106>. (In Russian)
- Gladkii, Aleksei V. 1985. *Syntactic structures of natural language in automated communication systems*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Greenawalt, Kent. 2001. "Vagueness and judicial responses to legal indeterminacy". *Legal Theory* 7 (4), 433–445. <https://doi.org/10.1017/S1352325201704077>.
- Grice, Paul H. 1989. *Studies in the Way of Words*. Harvard, Harvard University Press.
- Hankamer, Jorge. 1973. "Unacceptable Ambiguity". *Linguistic Inquiry* 4 (1): 17–68.

- Hart, Herbert. 1958. "Positivism and the separation of law and morals". *Harvard Law Review* 71: 593–629.
- Hyde, Dominic, Diana Raffman. 2018. "Sorites Paradox". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Accessed August 15, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/sorites-paradox>.
- Iordanskaia, Lidia N. 1967. "Syntactic homonymy in Russian (from the standpoint of automatic analysis and synthesis)". *Nauchno-tehnicheskaiia informatsiia: Biulleten' 2* (5): 9–17. (In Russian)
- Ivanova, Anna Iu. 2018. *Russian language in business documentation: textbook and exercises for secondary vocational education*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Jónsson, Ólafur P. 2009. "Vagueness, Interpretation, and the Law". *Legal Theory* 15 (3): 193–214. <https://doi.org/10.1017/S1352325209990012>.
- Keefe, Rosanna. 2000. *Theories of Vagueness*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kempson, Ruth M. 1977. *Semantic Theory*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kennedy, Christopher. 2007. "Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives". *Linguistics & Philosophy* 30: 1–45. <https://doi.org/10.1007/s10988-006-9008-0>.
- Khazova, Olga A. 2016. *The art of legal writing*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Kniazev, Iurii P. 2007. *Grammatical semantics. Russian language in typological perspective*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Korta, Kepa, John Perry. 2020. "Pragmatics". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Accessed August 15, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/pragmatics>.
- Kustova, Galina I. 2018. "Adjective". *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*. Accessed August 15, 2020. http://rusgram.ru/pdf/adjective_kustova_2018_06_final_print.pdf. (In Russian)
- Lakoff, George. 1970. "A Note on Vagueness and Ambiguity." *Linguistic Inquiry* 1 (3): 357–359.
- Lakoff, George. 1973. "Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts". *Journal of Philosophical Logic* 2 (4): 458–508.
- Larenz, Karl, Claus-Wilhelm Canaris. 1995. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-08709-1>.
- MacDonald, Maryellen C., Neal J. Pearlmutter, Mark S. Seidenberg. 1994. "The lexical nature of syntactic ambiguity resolution". *Psychological Review* 101 (4): 676–703. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.101.4.676>.
- Manning, Christopher D., Hinrich Schütze. 1999. *Foundations of Statistical Natural Language Processing*. Cambridge, Massachusetts, London, England, The MIT Press.
- Mattila, Heikki E. S. 2013. *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. London, New York, Routledge.
- Mellinkoff, David. 1963. *The Language of the Law*. Boston, Toronto, Little, Brown & Co.
- Mistiuk, Tatiana L. 2017. "Violation of the lexical norms of the Russian language and their reflection in the materials of the forensic linguistic examination". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 3 (69): 139–142. (In Russian)
- Moldovan, Andrei. 2019. "Descriptions and Tests for Polysemy". *Axiomathes* n/a: 1–12. <https://doi.org/10.1007/s10516-019-09445-y>.
- Muravenko, Elena V. 2008. "What is syntactic homonymy?". *Lingvistika dlia vsekh: Letnie lingvisticheskie shkoly 2005 i 2006*, eds Elena V. Muravenko, Olga Iu. Shemanaeva, 153–158. Moscow, MTsNMO Publ. (In Russian)
- Nazarenko, Tatiana N. 2006. "Indeterminacy in Russian law". PhD Diss. in Law, Rossiiskaia akademiia pravosudiia. (In Russian)
- Paducheva, Elena V. 2009. "On the structure of the paragraph". Paducheva, Elena V. *Stat'i raznykh let*, 173–180. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Paducheva, Elena V. 2016. "Modality". *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*. Accessed August 15, 2020. http://rusgram.ru/pdf/1_modality_201604_finalfinal.pdf. (In Russian)
- Paducheva, Elena V. 2017. "Egocentric language units". *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*. Accessed August 15, 2020. http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf. (In Russian)
- Pertsov, Nikolai V. 2000. "On the ambiguity in poetic language". *Voprosy iazykoznaniiia* 3: 55–82. (In Russian)

- Piantadosi, Steven T., Harry Tily, Edward Gibson. 2012. "The communicative function of ambiguity in language". *Cognition* 122 (3): 280–291. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.10.004>.
- Pinkal, Manfred. 1985. *Logic and lexicon: the semantics of the indefinite*. Dordrecht, Springer Science + Business Media Dordrecht.
- Pinkal, Manfred. 1996. "Vagueness, Ambiguity and Underspecification". *Proceedings from the Conference on Semantics and Linguistic Theory*, Rutgers University (SALT), eds Teresa Galloway, Justin Spence, 185–201. Ithaca, Cornell University.
- Poscher, Ralf. 2012. "Ambiguity and Vagueness in Legal Interpretation". *The Oxford Handbook of Language and Law*, eds Lawrence M. Solan, Peter M. Tiersma, 128–144. Oxford, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199572120.013.0010>.
- Prince, Ellen F., Joel Frader, Charles Bock. 1982. "On hedging in physician-physician discourse". *Linguistics and the Professions*, ed. by Robert J. di Pietro, 83–97. Norwood, NJ, Ablex Publishing.
- Rakhilina, Ekaterina V. 2009. "Semantics of lexical plurality in Russian". *Voprosy iazykoznaniiia* 4: 13–40. (In Russian)
- Rosch, Eleanor H. 1973. "On the internal structure of perceptual and semantic categories". *Cognitive Development and the Acquisition of Language*, ed. by Timothy E. Moore, 111–144. New York, Academic Press.
- Rozina, Raisa I. 1994. "Cognitive relationships in taxonomy. Categorization of the world in language and text". *Voprosy iazykoznaniiia* 6: 60–78. (In Russian)
- Rubashkin, Valerii Sh. 2010. "Information analysis of a business text. Strategies and analyzer components". *Elektronnye biblioteki* 13 (1). Accessed August 15, 2020. <https://elbib.ru/article/view/297>. (In Russian)
- Salager-Meyer, Françoise. 1995. "I think that perhaps you should: A study of hedges in written scientific discourse". *The Journal of TESOL France* 2 (2): 127–143.
- Sannikov, Vladimir Z. 2002. *Russian language in the mirror of a language game*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Schane, Sanford. 2002. "Ambiguity and Misunderstanding in the Law". *Thomas Jefferson Law Review* 25 (1): 167–194. Accessed 15 August, 2020. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/tjflr25&div=3&id=&page=>.
- Sennet, Adam. 2016. "Ambiguity". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2016 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Accessed 15 August, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/ambiguity/>.
- Slocum, Brian G. 2017. "Pragmatics and Legal Texts: How Best to Account for the Gaps between Literal Meaning and Communicative Meaning". *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*, eds Janet Giltrow, Dieter Stein, 119–144. Boston, Berlin, de Gruyter Mouton.
- Smith, Peter, Rosanna Keefe. 1999. "Vagueness". *The MIT encyclopedia of the cognitive sciences*, eds Robert A. Wilson, Frank C. Keil, 861–862. The MIT Press.
- Soboleva, Anita K. 2007. "Legislative definition as a way to overcome the polysemy of a word in legal discourse". *Iuridicheskaiia tekhnika* 1: 116–122. (In Russian)
- Solan, Lawrence M. 2005. "Vagueness and ambiguity in legal interpretation". *Vagueness in Normative Texts. Linguistic Insights Studies in language and Communication* 23, eds Vijay Kumar Bhatia, Jan Engberg, Maurizio Gotti, Dorothee Heller, 73–96. Bern, Peter Lang.
- Solan, Lawrence M. 2017. "One ambiguity, three legal approaches". *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*, eds Janet Giltrow, Dieter Stein, 145–164. Boston, Berlin, de Gruyter Mouton.
- Solan, Lawrence M., Tammy Gales. 2017. "Corpus Linguistics as a Tool in Legal Interpretation". *Brigham Young University Law Review* 2017 (6): 1311–1358. Accessed 15 August, 2020. <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol2017/iss6/5>.
- Solt, Stephanie. 2015. "Vagueness and Imprecision: Empirical Foundations". *Annual Review of Linguistics* 1 (1): 107–127. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguist-030514-125150>.
- Sorensen, Roy. 2001. "Vagueness Has No Function in Law". *Legal Theory* 7 (4): 387–417. <https://doi.org/10.1017/S1352325201704041>.
- Sorensen, Roy. 2018. "Vagueness". *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition)*, ed. by Edward N. Zalta. Stanford. Accessed 15 August, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/vagueness/>.

- Tanenhaus, Michael K., Julie C. Sedivy. 1999. "Ambiguity". *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences*, eds Robert A. Wilson, Frank C. Keil, 14–15. Cambridge, MA, MIT Press.
- Tretiakovich, Ekaterina V. 2018. "Semantic uncertainty in Russian law". *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk* 5 (2): 285–290. (In Russian)
- Trubachev, Oleg N. 1959. *History of Slavic kinship terms*. Moscow, AN SSSR Publ. (In Russian)
- Van Deemter, Kees. 2010. *Not Exactly: In Praise of Vagueness*. New York, Oxford University Press Inc.
- Van Trijp, Remi. 2017. "Transparency versus Processing Efficiency: A Case Study on German Declension". *Language, Cognition, and Computational Models*, eds Thierry Poibeau, Aline Villavicencio, 289–318. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316676974.011>.
- Vass, Holly. 2017. "Lexical verb hedging in legal discourse: The case of law journal articles and Supreme Court majority and dissenting opinions". *English for Specific Purposes* 48: 17–31.
- Vlasenko, Nikolai A. 2013. "Indeterminacy in law: nature and forms of expression". *Zhurnal rossiiskogo prava* 2 (194): 32–44. (In Russian)
- Wagner, Anne. 2005. "Law on Language". *Encyclopedia of Language and Linguistics*, ed. by Keith Brown, 731–737. Oxford, UK, Elsevier.
- Wasow, Thomas, Amy Perfors, David Beaver. 2005. "The Puzzle of Ambiguity". *Morphology and the Web of Grammar: Essays in Memory of Steven G. Lapointe*, eds Orhan Orgun, Peter Sells, 265–282. Stanford, CSLI Publications.
- Wasow, Thomas. 2015. "Ambiguity Avoidance is Overrated". *Ambiguity: Language and Communication*, ed. by Susanne Winkler, 29–48. Berlin, De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110403589-003>.
- Winter-Froemel, Esme, Angelika Zirker. 2015. "Ambiguity in Speaker-Hearer-Interaction: A Parameter-Based Model of Analysis". *Ambiguity: Language and Communication*, ed. by Susanne Winkler, 283–340. Berlin, De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110403589-013>.
- Zakharenko, Elena N., Liubov N. Komarova, Iia V. Nechaeva. 2003. *New dictionary of foreign words: 25 000 words and phrases*. Moscow, Azbukovnik Publ. Accessed 15 August, 2020. <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232>. (In Russian)
- Zalizniak, Anna A. 2003. "Ambiguity, paronomasia and non-punning combination of meanings: to the problem of representing polysemy". *Doklady mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2003*. Accessed August 15, 2020. <http://www.dialog-21.ru/media/2705/zalizniak.pdf>. (In Russian)
- Zalizniak, Anna A. 2013. *Russian semantics in a typological perspective*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Zeller, Tom. 2018. "Detecting Ambiguity in Statutory Texts". Bachelor thesis, Universität Stuttgart.
- Zhang, Qiao. 1998. "Fuzziness-vagueness-generality-ambiguity". *Journal of Pragmatics* 29 (1): 13–31.
- Zuga, Oksana V. 2019. "Constructions with the meaning of definition in regulatory legal acts: problems of perception and interpretation". *Sovremenniaia teoreticheskaia lingvistika i problemy sudebnoi ekspertizy: sb. nauch. rabot po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Sovremenniaia teoreticheskaia lingvistika i problemy sudebnoi ekspertizy" (Moskva, 1–2 oktiabria 2019 g.)*. Moscow, Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina Publ. (In Russian)
- Zwicky, Arnold M., Jerrold M. Sadock. 1975. "Ambiguity tests and how to fail them". *Syntax and Semantics* 4, ed. by John P. Kimball, 1–36. New York, Academic Press.

Received: May 25, 2020
Accepted: September 2, 2020

Authors' information:

Olga V. Blinova — PhD in Philology, Assistant Professor; o.blinova@spbu.ru, ovblinova@hse.ru
Sergei A. Belov — PhD in Law, Assistant Professor; s.a.belov@spbu.ru